

ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

МОДЕЛИ И ТИПОЛОГИЯ РИСКОВ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Владивостокский государственный университет (ВВГУ)

**ДОВЕРИЕ
К ГОСУДАРСТВЕННЫМ
ИНСТИТУТАМ В ЦИФРОВУЮ
ЭПОХУ**

МОДЕЛИ И ТИПОЛОГИЯ РИСКОВ

Монография

*Под общей редакцией
д-ра полит. наук А.Ю. Мамычева*

Владивосток
Издательство ВВГУ
2023

УДК 316.473:342.5
ББК 66.3(2Рос),1+60.027
Д58

Монография подготовлена и издана при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования и АНО «Экспертный институт социальных исследований» № FZUG-2022-0014.

Рецензенты: *А.И. Овчинников*, д-р юрид. наук, профессор, Южный федеральный университет;
С.И. Белов, д-р полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: модели и типология рисков : монография / под общ. ред. д-ра полит. наук А.Ю. Мамычева ; Владивостокский государственный университет. – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2023. – 152 с.

ISBN 978-5-9736-0696-1; DOI: <https://doi.org/10.24866/0696-1-2023>

Монография подготовлена в рамках исследования уровня доверия к государственным институтам в цифровую эпоху. Проанализированы концептуальные версии и содержательные интерпретации доверия. Выделены ключевые риски, препятствующие достижению, повышению и поддержанию общественного и индивидуального доверия к государственным институтам в условиях цифровой трансформации и цивилизационных угроз. В монографию вошли материалы, представленные участниками круглого стола, который состоялся 15 ноября 2022 г. на базе лаборатории политико-правовых исследований факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований Владивостокского государственного университета.

Для специалистов в области юриспруденции, политологии, социологии и других направлений социогуманитарного познания, а также всех интересующихся трансформацией доверия к государственным институтам в цифровую эпоху.

УДК 316.473:342.5
ББК 66.3(2Рос),1+60.027

Коллектив авторов: Бондарь П.С. (2.1), Жмуров Д.В. (2.2), Кенден Ч.А. (2.3), Ким А.А. (1.2, 1.4, 2.4), Мамычев А.Ю. (1.1–1.4, 2.5), Маркина А.А. (2.6), Матюк Ю.С. (1.3, 1.4, 2.7), Мордовцев А.Ю. (1.3, 1.4, 2.8), Сикач А.С. (2.9), Ступельман Л.А. (2.10), Уханов А.Д. (1.2, 1.4, 2.11), Чебыкина М.В. (2.12)

ISBN 978-5-9736-0696-1

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», оформление, 2023

© Коллектив авторов, текст, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	15
1.1. Цифровая трансформация публичной политики и властных отношений в социокультурном контексте. <i>А.Ю. Мамычев</i>	15
1.2. Легальность и легитимность властных институтов в политическом процессе. <i>А.Ю. Мамычев, А.А. Ким, А.Д. Уханов</i>	26
1.3. Социокультурные основания доверия к институтам государственной власти в контексте цифровых вызовов и угроз. <i>А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев, Ю.С. Матюк</i>	48
1.4. Направления государственной политики и разновидности правового регулирования в контексте повышения доверия к государственным институтам в условиях цифровой трансформации общества. <i>А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев, Ю.С. Матюк, А.А. Ким, А.Д. Уханов</i>	73
Глава 2. МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТИПОЛОГИЯ РИСКОВ»	87
2.1. Риски снижения доверия к государственным институтам как отражение особенностей современного общественно- политического управления в условиях цифрового общества. <i>П.С. Бондарь</i>	87
2.2. Последствия кибервиктимизации и их основные признаки. <i>Д.В. Жмуров</i>	93
2.3. Противодействие практике информационного манипулирования и понижения доверия к государственным институтам. <i>Ч.А. Кенден</i>	97
2.4. Доверие и недоверие к институтам власти: исторический и современный обзор. <i>А.А. Ким</i>	103

2.5. Концепт «доверие» в цифровую эпоху общественно-политической организации: идейно-концептуальные версии и современные общественно-политические технологии. <i>А.Ю. Мамычев</i>	109
2.6. Доверие со стороны гражданского общества как условие эффективной деятельности органов местного самоуправления. <i>А.А. Маркина</i>	114
2.7. Национально-государственная идентичность в условиях цифровой трансформации. <i>Ю.С. Матюк</i>	119
2.8. Социокультурные технологии формирования доверия в современной России. <i>А.Ю. Мордовцев</i>	124
2.9. Использование цифровых технологий в совершенствовании государственного управления. <i>А.С. Сикач</i>	130
2.10. Доверие к государственным институтам как фактор противодействия экстремистской деятельности. <i>Л.А. Ступельман</i>	135
2.11. Информационно-психологический подход к формированию доверия к институтам государственной власти: проблемы и перспективы в цифровую эпоху. <i>А.Д. Уханов</i>	141
2.12. Доверие между гражданами и государственными институтами как фактор развития международных отношений в области обеспечения соблюдения прав человека. <i>М.В. Чебыкина</i>	144
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	150

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика доверия к государственным институтам является одной из ведущих в процессе эволюции политико-правовой организации общества, поэтому обращение к ней обусловлено не только фактом ее значимости для устойчивого и легитимного режима функционирования института государства и его органов в современной России, но и связью с беспрецедентным давлением на функционирование последних в контексте геополитических вызовов и цивилизационных рисков. Очевидно, что в ситуации нестабильности внешнеполитической и внутривнутриполитической динамики, неуверенности в будущем, рискогенности развития системы государственной власти и политико-правового порядка доверие к государственным институтам является ключевым фактором стабилизации, основополагающей стратегией устойчивого развития личности, общества и государства, технологий проектирования и управления будущим. Как справедливо отмечал Н. Луманн, обеспечить доверие, по сути, означает предвосхитить будущее.

Поиск оснований стабильных и оптимально сконструированных властных отношений в любом национальном политико-правовом пространстве – вечная проблема, включенная как в западный, так и в российский гуманитарный дискурс. В этом плане выявление и ясное понимание места и роли доверия общества в целом, отдельных национальных и социальных, религиозных, творческих, половозрастных и иных групп населения к властным институтам, их деятельности, вектору проводимых ими изменений в государственно-правовой и социально-экономической, духовной и других сферах представляется не только актуальным, но и имеет несомненное практическое значение в условиях рискоген-

ности последних десятилетий. Любое значимое в разных своих измерениях решение отечественные властные институты и структуры могут и должны принимать, учитывая уровень доверия к ним, а соответственно, к их стратегии, способам решения назревших проблем граждан Российской Федерации, большинства социума, электората и т.п. Только в этом случае можно ставить и исследовать вопрос о легитимности национальной правовой политики в целом и отдельных ее направлений в частности. Неоспоримым является и тот факт, что легитимность – значимое основание формирующейся с постсоветского периода по настоящее время концепции эффективности деятельности государственной власти, и, следовательно, российского управления и законодательства.

Доверие населения к институтам государственной власти – фундамент противодействия современным вызовам и угрозам отечественной государственности, важный ответ тому геополитическому давлению, которое имеет место начиная с 2014 г. и постоянно усиливается вплоть до настоящего времени, а именно в период начала и проведения спецоперации в Украине.

В свою очередь, кроме геополитических рисков и цивилизационных угроз в современной общественно-политической реальности важнейшим фактором, связанным со снижением уровня доверия к государственным институтам, являются системные искажения и сбои информационного пространства, которые становятся ведущей реальностью (цифровой реальностью), в которой освещаются, интерпретируются и разворачиваются реальные и виртуальные события и процессы. Расширение цифрового инструментария и информационных форм влияния сегодня ведёт к существенному повышению того, что называется *информационным шумом* и *профильной реконфигурацией* отношений, которые обуславливают процессы информационной перегрузки общественно-политического пространства и его качественной трансформации.

Одним из ведущих цифровых эффектов современной трансформации, по мнению подавляющего большинства

экспертов, является системный кризис социального доверия к фундаментальным институтам, традиционным ценностям и нормам, что ведёт к утрате всеобщего масштаба и общего смысла как в повседневной жизнедеятельности людей, так и на уровне институциональной организации общества (П. Штомпка). И если общественная система не может «втянуть» весь спектр «инноваций в масштаб традиции» (К. Чистов), то происходит крушение всеобщего каркаса и ценностно-нормативных требований – социокультурных императивов (Е. Маркарян).

В цифровой общественно-политической реальности создается ситуация, когда происходит *утрата общественного доверия* к традиционным политическим институтам и традиционным форматам политики, а многие политические феномены просто *исчезают в качестве значимых*. При этом действующие автономные алгоритмические системы все активнее выступают инициаторами общественных дискуссий (например, массового обсуждения принятых властно-управленческих решений) и социальных акций (например, акции несогласных с существующей повесткой дня), которые реализуются не только в виртуальном пространстве, но и в дополненной и общественно-политической реальности. Кроме того, данные системы начинают консолидировать и реинтерпретировать общественно-политические явления, события, процессы, общественные смыслы и ценности, а также активно принимают участие в общественной оценке и принятии решений.

В рамках глобального цифрового тренда развития общественно-политической организации наметилась и другая устойчивая тенденция, связанная с делегитимацией государственной политики, деятельности конкретных государственных органов и структур (особенно в сфере контроля, мониторинга и регулирования разнообразных цифровых интеракций, в разработке и принятии ограничительных норм, стандартов и требований), препятствующая свободному развитию новой цифровой реальности взаимодействий. Негативный образ государственно-управленческой деятельности активно усиливает разработку альтернативных цифровых

сервисов, оказывающих более эффективно публичные услуги, традиционно являющиеся прерогативой государства.

Более того, мы становимся свидетелями слабо контролируемых со стороны государства и общества агрессивных атак негосударственных цифровых платформ на устойчивые формы общественного взаимодействия, смысл которых – монополизация публичных и частных сервисов, которые традиционно реализовывало, с одной стороны, государство, а с другой – институты гражданского общества. Например, так называемое «цифровое бегство от государства», т.е. устойчивое навязывание пользователю практики перевода всех своих официальных профилей, информации и сервисов с государственных платформ на платформы частных корпораций, где создаются комфортные условия для любых форм публичного и частного взаимодействия (оплата штрафов, подача заявлений, выдача кредитов, поддержка общественных инициатив и проч.). Вследствие этого высокая активность данных платформ поэтапно ведет к снижению роли и социального значения государства в реализации публичных сервисов, делегитимации традиционных общественно-политических институтов и структур.

Объектом исследования выступила современная публичная политика, а *предметом* – процессы цифровой трансформации властных отношений и общественно-политических институций в российском социокультурном пространстве. *Цель* работы – комплексное и междисциплинарное исследование влияния цифровых технологий на трансформацию политических институтов и отношений в России, влекущую снижение доверия и легитимности властно-управленческой деятельности для прогнозирования сценариев развития общественно-политической организации общества и моделирования направлений государственной политики.

В рамках исследования ставятся и решаются следующие конкретные задачи:

– типологизация политико-правовых и духовных рисков в области легитимации властных отношений в современной России;

– выявление политико-правового и социокультурного механизма сохранения доверия общества к властным институтам, вектору и результатам их деятельности в условиях нарастающей рискогенности и делегитимационных трендов, направленных на подрыв ментальных основ отечественной государственно-правовой жизни, разрушение гармонии «соборного» единства русского мира;

– категориально-понятийный анализ цифровизации и процессов цифровой трансформации политических институтов, а также разработать теоретико-методологический инструментарий для комплексного рассмотрения влияния цифровых технологий на функционирование государственных институтов;

– типологизация социально-культурных угроз доверительным формам и типам публично-властных отношений в системе «личность – общество – государство», а также действующих и латентных угроз легитимному режиму функционирования государственных институтов и структур, признания и одобрения результатов их общественно-политической, социально-экономической и юридической деятельности;

– разработка теоретико-практических предложений по воспроизводству устойчивых социокультурных форм доверия к государственным институтам в условиях цивилизационных рисков и геополитических угроз.

Проблематика цифровой трансформации общественно-политических институтов и публично-властных отношений является многоаспектной и многоуровневой. Исследование данных процессов, а также определение основных траекторий развития цифровых форм и технологий публично-властной коммуникации в системе «личность – общество – государство» требуют привлечения широкого круга исследовательских подходов, достижений и положений различных дисциплин как социально-гуманитарных (политология, социология, философия, юриспруденция и т.д.), так и естественно-технических (общая теория систем, кибернетика, информатика и т.д.) научных направлений. Вследствие этого настоящий проект базируется на междисциплинарном подходе и постдисциплинарной стратегии исследования. В первом случае исследо-

вательский коллектив опирается на теоретические и методологические разработки различных дисциплин: политологии, социологии, истории, философии, юриспруденции, информатики, кибернетики и др.; во втором случае – на методологические новации современных неинституциональных, биополитических, акторно-сетевых, объектно-ориентированных концепций и других научных направлений, которые анализируют событие или процесс не с позиции определенной дисциплинарной принадлежности, а в контексте «диалогического» взаимодействия различных систем знания.

Обращаясь к цифровой трансформации общественно-политических отношений в современном обществе, следует выделить условно три основных направления мыследеятельности: теоретико-методологические разработки, категориально-понятийный аппарат, специфические подходы к социально-политическому моделированию и прогнозированию.

Данные направления, представляющие оригинальные теоретико-методологические и практические разработки и положения, выступили основой для проведения настоящего исследования. В качестве основных научно-технологических типов мыследеятельности можно выделить: 1) институционально-технологический; 2) конфликтологический; 3) цифровой эволюции; 4) прагматический.

В рамках институционально-технологического регистра представлены два основных теоретико-методологических подхода: технологический и инструментальный.

В первом случае речь идет о так называемых «технологических протезах», концептуальные основы которых заложили А. Бретон, В. Вундт, П. Жанэ, Г. де Клерамбо, М. Мид, З. Фрейд, Э. Фром, К.-Г. Юнг и др. В рамках технологического подхода обосновывается, что на каждом этапе эволюции человек создает все новые и совершенные технологии, которые становятся продолжением его, улучшая его телесность, моторику, сенсорные способности и проч. Данный подход весьма авторитетен и сегодня. Современная четвертая промышленная революция интерпретируется в качестве нового витка совершенствования «цифровых протезов»

человека, которые представят ему новые возможности и улучшат или усилят его биологические функции и проч.

Инструментальный подход весьма близок к предшествующим теоретико-методологическим разработкам. Он трактует современные изменения в общественно-политической жизнедеятельности в качестве очередного этапа совершенствования человеческих инструментов, продолжающих и(или) функционально замещающих человека. При этом допускается автономность данных технологий на уровне совещательном, вспомогательном, обеспечивающем, т.е. функционирующих в инструментальном режиме. В то же время за человеком остается «фундаментальное право» на принятие решений и реализацию распорядительных функций (Р. Болдуин, К. Келли, С. Коулман, Е.С. Ларина, В.С. Овчинский, Н.Н. Черногор и др.).

Проблематика цифровизации окружающей действительности становится главной направленностью в исследованиях представителей психологической, социологической, экономической и политической науки. Особый акцент на инструментальную природу всех современных сквозных цифровых технологий делают представители юридической науки. К наиболее часто обсуждаемым вопросам здесь можно отнести защиту интеллектуальных прав, сохранность персональных данных, способы автоматизации правотворчества и правоприменения, модернизацию способов публичного управления и воздействия, способы защиты цифровой публичной инфраструктуры и др.

Конфликтологический регистр обосновывает, что процессы цифровизации влекут за собой формирование новой общественно-политической реальности (цифровой политики, цифровой реальности, метавселенной и т.д.), которая создается в согласованном режиме различных взаимодействующих акторов (институтов, технологий, людей). Проблематизируются только формы и режим их совместного функционирования, а основной акцент ставится на противостоянии человеческого и машинного интеллекта. В основном это противостояние анализируется в трех ключевых направлениях:

1) подчинение цифровых технологий и, в частности, систем искусственного интеллекта человеку;

2) проигрыш человека; машины развиваются настолько, что появляется угроза существованию самого человека;

3) присоединение человека к системе искусственного интеллекта, оцифровка сознания и его «вгрузка» в искусственную цифровую среду (например, создание метавселенных или глобальной цифровой среды существования оцифрованного человеческого интеллекта и цифровых алгоритмических систем).

В любом из этих направлений представлен фундаментальный анализ современной трансформации экономических, политических, правовых, культурных и иных процессов под воздействием развития сквозных цифровых технологий, а также представляются теоретико-практические положения, связанные с прогнозированием и моделированием их развития в новой цифровой реальности. Обзор специальной литературы позволяет констатировать, с одной стороны, унифицированное восприятие главных направлений развития и эксплуатации «сквозных» цифровых технологий в условиях современного состояния научно-технического прогресса (так называемая четвертая промышленная революция), а с другой – дифференцированные подходы в оценке производных, информационных, политико-правовых и социально-культурных эффектов в отношении цифровой трансформации и глобальной конкуренции в целом.

Немало внимания уделяется изучению информационно-коммуникационных технологий и связанных с ними рисков в контексте цифровизации товарно-рыночных отношений и сферы услуг в частности (П. Винья, М. Кейси, С. Чернышев, А. Табернакулов, Я. Койфман и др.). В фокусе анализа и обработки больших массивов информации в научной среде активно изучается технология Big data, представляющая собой алгоритм обработки горизонтально масштабируемыми программными инструментами, появившимися в конце 2000-х гг., и альтернативными традиционными системами управления базами данных.

Цифровая эволюция общественно-политических систем и самого человека

Цифровая трансформация общественно-политических отношений ведет к принципиально новому социальному укладу и режиму функционирования политических институтов и отношений. При этом развитие сквозных цифровых технологий и их внедрение приведут к новой форме технологической организации – «связке» процессов социальной самоорганизации и «машинного филума» (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари, применяемый для отражения процессов самоорганизации и саморазвития различных систем не только биологических и социальных, но и технологических). Данный момент описывается в качестве новой революции (по аналогии с «неолитической революцией»), в ходе которой человечество выживет и адаптируется путем смены форм организации, сближения естественных, биохимических, алгоритмических и иных систем, их взаимного усиления и тесного взаимодействия. Произойдет конвергенция человеческого и искусственного интеллекта, биологических и цифровых алгоритмов, формирование новых сущностей:

а) *Homo Deus* – новый виток эволюции и новые существа (генная, биотехнологическая, алгоритмическая и иная трансформация *Homo Sapiens* – Юваль Ной Харари);

б) «вгрузка» человеческого сознания в цифровой формат, формирование глобальной цифровой реальности (доминирующей становится киберреальность, подчиняющая себе интересубъективную/коммуникативную, физическую и биологическую).

В рамках прагматического типа мышления все политические явления и процессы, в том числе и в цифровом мире, разворачиваются в конкретной социокультурной среде. Они всегда специфичны и действуют в контексте определенного пространства (геополитического) и времени (геоисторического).

Здесь не существует абсолютно одинаковых трендов социокультурной трансформации, в том числе и в цифровом мире. В этом плане можно лишь говорить о схожести в разви-

тии тех или иных политических, правовых систем, цифровых форм и режимов. Цифровая трансформация усложняет роль государства, его институционально-функциональную природу (появляются новые функции, новые институты). Государство не утратит своего доминирующего положения в качестве центрального субъекта политической системы и ведущей роли в международном политическом процессе.

В свою очередь, традиционные нормативные системы и общественные институты играют вторичную, инструментальную, роль; они призваны усиливать и обеспечивать эффективную реализацию стандартов. Сквозные цифровые технологии выступают продуктом и объектом человеческой жизнедеятельности. Именно люди создают, программируют оболочку и эксплуатируют данные объекты, закладывают ценностно-рациональный, нравственный и эмоционально-психологический компоненты в изначальный код последних (например, на его основе осуществляются машинное обучение, анализ массива данных и формирование значимого решения).

Следовательно, все теоретико-практические разработки ориентированы на формирование национального цифрового пространства, где сети должны контролироваться и регулироваться в рамках суверенной юрисдикции конкретного государства (обеспечение защищенности граждан и организаций, защита национально-культурной специфики общества и обеспечение адекватности развития сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития цивилизационных систем).

Прагматический вектор цифровой трансформации не только адекватен в плане устойчивой стратегии развития государственных и правовых институтов, но и сохраняет идейно-политический и технологический потенциал в легитимации публично-властных институтов, применяемых и реализуемых решений.

Глава 1. ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

1.1. Цифровая трансформация публичной политики и властных отношений в социокультурном контексте

Мамычев Алексей Юрьевич

Современная эпоха характеризуется переходом мирового глобально-информационного общества в новую фазу своего развития – цифровое общество, в котором не только все основные социальные коммуникации осуществляются в киберпространстве на базе общих (сквозных) цифровых технологий и разнообразных платформенных решений, но и кардинально меняются публично-властные отношения и государственное управление обществом как сетевой и интерактивной динамикой общественных отношений. Взаимодействие между органами власти, обществом и гражданами все больше приобретает «цифровой» характер. В различных странах мира идет процесс становления цифрового правительства (*качественно отличающегося* и по формам, и по содержанию от электронного правительства), цифровых государственных платформ, цифровых публичных сетей и сервисов.

Цифровизация определяет нашу эпоху, объясняет то, что с нами происходит сейчас и набрасывает штрихами эскиз будущего. «Наше новое *всё*» формирует новый масштаб существования общества, реконфигурирует отношения человека с машиной, технологией и природой. С помощью данного концепта сегодня описываются сущностные, инст-

рументальные, институциональные, процессуальные и другие характеристики трансформационного периода. Так, цифровизацией, как правило, обозначают:

- смену аналоговых форм на цифровой формат, автоматизацию и алгоритмизацию стандартных социальных процедур (например, бюрократических процессов, формализованных процедур в страховой, финансовой и других сферах деятельности);

- переход на цифровой формат функционирования традиционных институтов, а также формирование новых цифровых институций (например, цифровых платформ);

- смену в приоритетах развития техники и технологий, доминирующих в третью промышленную революцию, на цифровую технику (коды, архитектуры, сетевое оборудование, серверы и др.) и цифровые технологии (системы машинного обучения, большие данные, блокчейн и т.п.);

- исторический переход, т.е. формирование новой аналитической матрицы осмысления и описания транзита от одного качественного состояния общественной системы и социального уклада (промышленного, информационного) к принципиально иному – цифровому будущему;

- смену социокультурных траекторий развития, т.е. цифровые технологии – это, прежде всего, культурные явления/продукты; вектор их развития обуславливается социально-экономическими, политико-правовыми и иными социальными факторами (т.е. цифровизация описывает именно изменения социальной и технологической динамики общества);

- формирование новой культурной матрицы со своей мировоззренческой системой, структурой социально-технологических потребностей, специфической организацией (социальная физика), нормативной системой (социально-поведенческий инжиниринг) и т.д.;

– новый формат футуризма¹, научно-фантастического проектирования будущего, моделирование образов цифрового будущего (исследование будущего, сценарное проектирование будущего, а особенно ретрополяционные практики²).

В настоящее время в рамках глобального цифрового тренда развития общественно-политической организации наметилась и другая тенденция, связанная с *делегитимацией государственной политики* (особенно в сфере контроля, мониторинга и регулирования разнообразных цифровых интеракций, разработки и принятия ограничительных норм, стандартов и требований), препятствующей свободному развитию новой цифровой реальности взаимодействий. Негативный образ государственно-управленческой деятельности, который активно продвигает «новая цифровая элита» (руководство IT-корпораций, собственники транснациональных цифровых платформ и т.д. [1, с. 109–134]), усиливает разработку альтернативных цифровых сервисов, более эффективно оказывающих публичные услуги, относящиеся к прерогативам государства.

¹ Заметим, что футуризм всегда *предшественник нового всеобщего масштаба*. Например, Б. Муссолини прямо сказал: «Официально заявляю, что без футуризма не было бы фашистской революции». Не случайно Ш. Зубофф, завершая своё фундаментальное исследование надзорного капитализма и новой эры властных отношений, также прямо заявляет, что сегодня есть все предпосылки формирования нового цифрового чудовища, новой формы властного господства – «цифрового фашизма». См.: Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Москва, 2022. С. 661–663.

² Сегодня методология и практика ретрополяции широко распространяется как в исследовательских практиках, так и в научно-популярной фантастике, организации бизнес-процессов. Например, в своем известном исследовательском проекте М. Деланда выстраивает научную аргументацию «из будущего», т.е. описывает историю развития разумных машин из далекой исторической точки, с точки зрения работа-историка, который занят «отслеживанием различных линий технологического развития, давших рождение их виду».

Более того, мы становимся свидетелями слабо контролируемых со стороны государства и общества *агрессивных атак* транснациональных элит и негосударственных цифровых платформ на устойчивые формы общественного взаимодействия, смысл которых заключается в монополизации публичных и частных сервисов, традиционно реализуемых, с одной стороны, государством, а с другой – институтами гражданского общества. Например, так называемое цифровое бегство от государства, т.е. настойчивое навязывание пользователю практики перевода всех своих официальных профилей, информации и сервисов с государственных платформ на платформы частных корпораций, где создаются комфортные условия для любых форм публичного и частного взаимодействия (плата штрафов, подача заявлений, выдача кредитов, поддержка общественных инициатив и проч.). Вследствие этого высокая активность данных платформ поэтапно ведет к *снижению роли и социального значения* государства в реализации публичных сервисов, делегитимации традиционных общественно-политических институтов и структур.

Многие исследователи, анализируя данные тенденции, полагают, что негосударственные платформенные решения больше не нуждаются ни в государстве, ни в обществе, ни в людях (в их традиционном понимании). Они стараются не участвовать в публичной политике и не ориентируются на процессы интеграции общественных интересов и реализацию социальных ожиданий. Глобальный тренд ИТ-корпораций – это формирование новых виртуальных вселенных (метавселенных), «вынужденное заключение» и структуризация людей по цифровым капсулам [2], объединение последних в так называемые цифровые ульи [3].

Главным образом это ориентация на отмену традиционной публичной политики и продвижение новой формы властного господства. Она воспроизводит в цифровом формате «коллективистский архетип» общественно-политической мыследеятельности, который, «расходясь с давними ценностями рыночного капитализма и рыночной демократии,

также резко отклоняется от неолиберального мировоззрения... Этот приватизированный инструментарный общественный строй представляет собой новую форму коллективизма, при которой рынок, а не государство концентрирует в своей сфере и знание, и свободу» [4]. При этом новый цифровой коллективизм формирует также: новых субъектов и драйверов исторического процесса (цифровых актантов и социальных киборгов [5]); новые способы осуществления власти («дистантного господства» [6] и «цифрового нормирования поведения»); новые формы неравенства [7] и структуризации общества [8] новые формы собственности [9], критерии биополитической [10] и социально-экономической полезности индивидов и сообществ.

Основные тренды цифровой трансформации политики

1. *Сервисная модель политики*, ставшая доминирующей в начале третьего тысячелетия, сформировала ключевой тренд в оптимизации публично-властной деятельности. Данная модель наиболее органично «встраивала» инновационные прорывы в развитии информационно-коммуникативных технологий в систему публично-властного управления и расширения публично-властных сетей, обеспечивая автоматизацию рутинных процедур и строгих протоколов, действующих в разнообразных сферах жизнедеятельности общества (в том числе в бюрократическом аппарате). Эти и другие инновационно-технологические решения активизировали повсеместное распространение сервисных практик оказания публичных и частных услуг, тотальное внедрение электронных форматов в сети взаимных обязательств в системе личность – общество – государство, а также позволили вывести на новый уровень развитие транспарентного режима функционирования публично-властных и гражданских институтов.

Современная цифровая трансформация общественно-политической организации общества усложняет и расширяет парадигмальные рамки сервисной доктрины государственной политики. Последняя ориентирована на создание эффектив-

ных и тотальных цифровых сервисов с преобладанием интерактивных систем, технологий виртуальной и дополненной реальности во властно-управленческой деятельности; она значительно расширяет идейно-концептуальные и функциональные характеристики электронной публичной политики (*e-democracy, e-government, e-public services* и т.п.).

В рамках процессов цифровизации «публично-властного сервиса» уже отчетливо проявляется *основная траектория* его развития – интенсификация индивидуализированных цифровых публичных сервисов (настраиваемый формат интерактивного взаимодействия гражданина с разнообразными государственными и иными общественно-политическими структурами), превалирование персональных цифровых профилей (например, на государственных платформах) над традиционными форматами политико-правовой идентификации («портфель» государственных документов, официальных статусов и проч.), формирование субъективно ориентированных электронных публичных услуг, онлайн-консультирования и т.п. Все это в целом ведет к «сближению» корпоративных и политических элит, расширению форматов государственно-частного партнерства, формированию новых *властных альянсов* между государством и IT-корпорациями, а также инновационных режимов реализации «цифровых аутсорсингов» в оказании публично-властных услуг и проч.

В целом цифровая трансформация политического процесса инициировала формирование новых транснациональных и внутривластных элитарных альянсов, а также новые форматы публично-властного и теневого взаимодействия с обществом, социальными группами и государством. Феномен элитарных альянсов можно трактовать как специфическую консолидацию общественно-политических акторов, которые формируются в публичном и скрытом (теневое пространство отношений/договоренностей, которые складываются за рамками общественного, государственного и

международного контроля) пространствах цифрового взаимодействия.

Данные акторы представляют собой: *во-первых*, стратегические альянсы, т.е. союзы двух и более как традиционных субъектов политики (регионального или национального уровней), так и консолидированных субъектов глобальной политики (глобального уровня транснациональных элит), ориентированных на достижения стратегических целей (например, соглашения преимущественно связанные с проектирование образа будущего, его продвижении, легитимации и реализации); *во-вторых*, договорные властно-инжиниринговые и социально-технологические союзы, часто достаточно мобильные и переструктурирующиеся, между традиционной финансовой, промышленной, политической элитой и новыми влиятельными игроками – ведущими специалистами в социальном (поведенческом) инжиниринге, технологическими стратегами, руководителями IT-корпораций и техногигантов.

2. *Доктрина платформенных решений* в современной политике ориентирована на формирование принципиально новой *социально-технологической реальности*, конструирование соответствующих последней цифровых форм властного господства и виртуальных технологий публично-властной коммуникации. Данная доктрина трансформации общественно-политической организации воплощается преимущественно в двух противоположных направлениях: с одной стороны, это так называемый *цифровой корпоративизм*, ориентированный на цифровой вариант глобализации, формирование единой сетевой киберреальности и альтернативной метавселенной, с другой – *цифровой этатизм*, отстаивающий суверенность национально-культурных траекторий развития цифровых технологий, сервисов, виртуальных пространств и т.п., суверенную юрисдикцию государства в цифровом пространстве и национальные режимы обеспечения кибербезопасности.

В рамках *цифрового корпоративизма* формируются новые институциональные основания глобального властно-

цифрового господства, а также соответствующие инновационные технологии и инструменты определяющего (властного) воздействия. Здесь стратегия цифровых платформ ориентирована на сбор и обработку данных, производство «прогнозных поведенческих продуктов», организацию и управление разнообразными интеракциями пользователей платформы, информационное сопровождение различных событий и процессов частной и публичной жизни, конструирование мобильных цифровых идентичностей, мобилизацию внимания пользователей на определенных проблемах и т.п. Это стратегия *тотального вмешательства* цифровых технологий в общественно-политическую жизнедеятельность, связанная с полной «оцифровкой» последней и трансформацией социальной реальности (смена общественной структуры на алгоритмическую, социально-нормативной системы на инжиниринговое право и т.д.). Приведем высказывание одного из представителей современной IT-индустрии, весьма четко отражающее данную стратегию цифровой трансформации: «Речь идет уже не просто о повсеместной компьютеризации. Настоящая цель сегодня – повсеместное вмешательство, действие и контроль. Настоящая власть в том, что теперь вы можете изменять действия в реальном мире. Подключенные к сети интеллектуальные датчики могут реагировать и анализировать любое поведение, а затем вычислять, как его изменить. Аналитика в реальном времени превращается в действие в реальном времени» [4, с. 384]. Другими словами, ключевой тренд данного направления – поэтапное конструирование новой единой социально-технологической среды: сначала «цифровой виртуальной экосистемы», а затем альтернативной глобальной метавселенной со своей ценностно-нормативной системой, режимами безопасности, формами управления поведением пользователей, их взаимодействием с реальными или виртуальными акторами.

Важно еще раз отметить, что сегодня платформенные решения – это не просто удобная и мобильная площадка для

разнообразных интеракций (как в случае с сервисной моделью политики), но главным образом глобальная цифровая среда со своей ценностно-нормативной системой, символической, «цифровым правом» (нормативный инжиниринг) и цифровой идентификацией, которые постепенно и устойчиво вытесняют социально-культурную идентификацию личности, традиционные общественно-политические формы организации и взаимодействия.

В свою очередь, в рамках *цифрового этатизма* процессы цифровизации кодируются (доктринально, нормативно, институционально) определенной национально-культурной средой, где проектирование сложных алгоритмических систем и цифровых технологических решений осуществляется с учетом того, что последние создаются и эксплуатируются в общественной системе, обеспечивают ее безопасность и целостность. Поэтому ключевой проблематикой данного направления является суверенность и уникальность процессов цифровизации общественно-политической системы и отношений.

В отличие от глобального цифрового корпоративизма в цифровом этатизме, напротив, обосновывается, что мировая виртуальная среда состоит из относительно автономных региональных и национальных цифровых пространств, цифровых платформ, уникальных технологических решений и сетей взаимодействий [3]³. При этом глобальная цифровая среда рассматривается в рамках действующей плюралистической доктрины в качестве сложного и неоднородного сетевого взаимодействия, состоящего из специфических цифровых

³ Цифровое пространство – это не нечто абстрактное/виртуальное, а имеет и вполне конкретное материальное выражение. Так, любое цифровое сетевое взаимодействие можно анализировать не только как разнообразные формы и типы виртуальных интеракций, но и как сложную технологическую сеть, состоящую из оборудования, программного обеспечения, сетевых точек доступа, серверов, оптоволоконка и проч. Поэтому, кроме очевидных функциональных характеристик, цифровое взаимодействие обладает и четкими структурными характеристиками, такими как субъект, объект и содержание цифрового сетевого взаимодействия.

пространств, находящихся под юрисдикцией суверенных государств.

В этом аспекте можно отметить, что суверенитет как *качественная характеристика* политико-правовой организации общества отражает нормальность, стабильность и самостоятельность существования, функционирования и развития всех национальных пространств: классических – суша, вода, воздух, постклассических – цивилизационное (национально ориентированная политика), экологическое (экологическая политика), биологическое (биополитика), цифровое пространства (цифровая политика).

Очевидно, что цифровое пространство существенно расширяет целый спектр традиционных политико-правовых категорий и легальных дефиниций, используемых в национальном законодательстве и международном праве. Например, понятие «территории государства», которое включает не только сухопутную территорию, водное и воздушное пространство, но и национальное цифровое пространство. Значительно усложняются и качественные характеристики суверенности государства, особенно в аспекте обеспечения кибербезопасности, технологической и операционной/программной независимости, поскольку зависимость государства от иностранных технологий, оборудования, комплектующих, кадров и т.д. естественным образом снижает потенциал обеспечения цифрового суверенитета и независимости национально-культурного вектора развития [4]⁴.

Последнее объективно требует изменения и международного права (например, проекты, связанные с обоснованием необходимости на глобальном уровне принятия дек-

⁴ Такой «теоретико-практический маневр» в содержательном расширении категории суверенитета применялся уже неоднократно в современном общественно-политическом дискурсе. Например, С. Хантингтон дополнял последнюю институционально-функциональной устойчивостью и институционально-технологической стабильностью. Фукуяма дополнял категорию суверенитета военно-политической и экономической силой, а также институционально-административной стабильностью.

ларации цифровых прав и свобод, доктрины глобального цифрового порядка и проч.), а также формирования специализированных международных и региональных институтов, реализующих управление глобальными сетевыми протоколами и обеспечивающих общемировую или региональную кибербезопасность.

Следует заметить, что на сегодняшний день на развитие глобального цифрового пространства существенно влияет продвигаемая с самого начала появления Интернета неоимперская (американская) модель географической сетевой инфраструктуры, где центры сбора и хранения информации, мониторинга и управления сетевыми подключениями размещаются в ключевых центрах евро-американской ойкумены. Так, до сих пор США сохраняет контроль за базовой архитектурой доступа в глобальную сеть, т.е. за деятельностью ICANN (Корпорация по присвоению имен и адресов в Интернете). В свою очередь, управление интернет-протоколами, сетевыми стандартами и IP-адресами осуществляется различными неправительственными и международными структурами, крупными операторами связи, которые прямо или косвенно связаны с американским государством и его так называемыми «стратегическими партнерами», что, несомненно, формирует *одностороннюю цифровую гегемонию*.

Более того, современная санкционная политика евроамериканских стран, связанная с беспрецедентным информационным воздействием на национальное цифровое пространство, сопровождающимся системными кибератаками, различными формами цифрового манипулирования и смыслового искажения, а также блокировкой национальных информационных порталов и цифровых сервисов, отключением от глобальной сети национальных финансовых, государственных, социальных платформ и экосистем, в полной мере характеризует стратегии глобальной цифровизации и формы глобальной цифровой гегемонии. Именно поэтому ряд современных государств «в отсутствие прав над частью

логических связей сети пытаются поддерживать суверенитет кибербезопасности путем значительного контроля над физическим оборудованием и информационным программным обеспечением. Но вместе с тем эти страны выступают за совместное международное управление сетью, чтобы принудить международное сообщество к повторному делению или распределению прав над управлением логическими связями интернета» [11, с. 73, 74].

В технологическом аспекте в рамках цифрового этатизма происходит развитие национальных цифровых платформ, использующих информационные сети для мониторинга, предотвращения и противодействия различным рискам, вызовам, угрозам. Главной траекторией развития здесь выступает то, что формируемые национальные сети должны контролироваться и регулироваться в рамках суверенной юрисдикции конкретного государства, поскольку последнее обеспечивает защиту национально-культурной специфики общества и адекватность развития сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития тех или иных цивилизационных систем.

1.2. Легальность и легитимность властных институтов в политическом процессе

*Мамычев Алексей Юрьевич
Ким Александр Алексеевич
Уханов Антон Дмитриевич*

В политической науке акцентуация проблемы соотношения легальности и легитимности, их смысловой наполненности начинает играть решающую роль, как правило, в ситуациях, когда происходит демонтаж всей институциональной структуры общества, противостояние двух социально-политических порядков (проектов) со своей институциональной структурой господства. Многие авторы справедливо отмечают, что проблематизация в исследовательских проектах концептов «легитимности» и «легальности»

вызвана кризисом самой государственной власти, который мыслится уже как следствие перехода от одной «парадигмы властвования», традиционно сложившейся и органично развивающейся одновременно с самим социумом, к другой, принципиально иной по конфигурации, содержанию, функционированию основных политических и правовых институтов и по стратегиям, тактикам, типам и способам развития властных отношений. Другими словами, подобный кризис связывают, как правило, с процессами политической и правовой модернизации общества. Причем последняя в современной литературе воспринимается уже как неотъемлемый атрибут модернизационных процессов [12, 13].

Достаточно долгое время понятие «легитимность» употреблялось в научном обороте, как правило, в контексте правовой системы знания. Его смысловая кристаллизация протекала в тесном соприкосновении с такими терминами, как «легальность», «законность», «реализация права», «действие права». Например, во многих исследованиях «легитимность» толкуется как реальное восприятие, политическое и юридическое обоснование, оправданность практической деятельности каких-либо лиц, органов власти, их законосообразность, адекватность существующему институционально-нормативному порядку, требованиям естественного права и проч.

Однако, как отмечают многие исследователи, такое понимание легитимности свойственно лишь рационально-правовому дискурсу, который сформировался и получил свое воплощение в рамках классической юридической парадигмы. Более того, смысловое содержание концепта «легитимность», а также его теоретико-методологические функции *выработаны в контексте западноевропейской цивилизации*. Поэтому во многих случаях западные теоретические выкладки по «теории легитимации» при переносе в иную социокультурную плоскость *не улавливают* специфики тех или иных культурных универсумов, что в значительной степени обедняет исследовательские результаты. Например, существует огромная пропасть между западной

теорией легитимности, основанной на формально-рациональных, целевых и электоральных презумпциях, и отечественной теорией, базирующейся на традиционно-идеократических постулатах (вера в «идею-правительницу», святость народных традиций, духовно-нравственное измерение природы государственной власти).

Так, если для русского политического мышления государственная элита, не санкционированная нравственно-духовным идеалом, идеалом справедливости, не является легитимной (оправданной) в глазах населения, то, напротив, для западного мышления политическая элита, получившая электоральное большинство, автоматически становится выразителем потребностей и интересов всего населения⁵. Именно поэтому в современных российских реалиях избирательные процедуры, по мнению большинства граждан, до сих пор остаются формальными (а не реальными!) механизмами легитимации политических лидеров; *доверие* как к самим демократическим процедурам, так и к сформированной на их основе политической элите остается весьма низким [14, 15].

В этом плане, как показала практика, современные западные типы, формы и методы легитимации⁶ «либо сразу оказываются не востребованными и социально бесполезными, либо фиксируются в национальном политико-правовом пространстве на крайне незначительный срок, а затем исчезают или трансформируются (деформируются), приспособливаются к российским ментальным ориентациям и стерео-

⁵ В свете этого становится очевидным, что при обсуждении вопросов легитимности государственной власти большинство западных теоретиков и вслед за ними часть «либерально настроенных» отечественных авторов делают основной упор на избирательный процесс, который трактуется ими как основной механизм институционализации и легитимации органов государственной власти.

⁶ Об особых, нетипичных (для западных политико-юридических теорий) способах легитимации государственной власти в России см.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические исследования. 2001. № 4.

типам, типичным поведенческим реакциям и т.п., часто изменяются до неузнаваемости» [16].

В силу этого понятие «легитимность» имеет свои смысловые оттенки и эвристические возможности, обусловленные пространственно-временными и социально-культурными факторами. Именно *историко-культурный фон* во многом предопределяет смысл, содержание и практическую действенность данного концепта на определенном промежутке времени⁷. В этом смысле «предложить» сформулировать универсальную теорию легитимности, практически и теоретически годную, инвариантную для всех времен и культур-цивилизационных пространств, как видится, не представляется возможным.

Сегодня становится очевидным, что обращение к историко-культурным условиям концептуализации понятий «легитимность» и «легальность», их эволюции в рамках той или иной государственно-правовой действительности позволяет: *во-первых*, выявить специфические типы, модели легитимизации и легализации власти, свойственные тому или иному социокультурному универсуму; *во-вторых*, определить особенности функционирования и поддержания конкретных институциональных порядков и их преемственность; *в-третьих*, сопоставить государственно-правовой опыт с теоретическими

⁷ Историко-культурный фон, как справедливо замечают многие исследователи, отражает социально сконструированные образы, убеждения, практики и техники, разделяющиеся практически всеми субъектами определенного культурного универсума; последние задают смысловые границы интерпретаций политико-правовых явлений и процессов, моделей и способов социально значимого поведения, межличностного взаимодействия. Известный историко-культурный фон представляет собой «социально одобренный и безо всякой рефлексии существующий в сознании индивида образ действий, личности, объекта и т.п., одинаковый для всех членов социальной общности, в рамках которой он сложился и функционирует» // Ионин Л.Г. Понимающая социология. Москва, 1999. С. 148.; См. также: Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик / Мишель Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О. Хархордина. Санкт-Петербург; Москва, 2001. С. 62, 63.

и практическими способами легитимации, выработанными в рамках той или иной цивилизации.

Для XX в. характерна секуляризация и смысловое «обеднение» (в пользу эмпирико-рационального понимания)⁸ понятия «легитимность», которое трактуется почти синонимично термину «легальность». Основной акцент переносится на рационально-правовую сторону в осмыслении данного концепта, что ведет к десакрализации, рационализации и формализации властных отношений, а сама политика рассматривается как рационально-технический процесс, освобождающий институты власти от практики получения божественной/сакральной санкции на осуществление своей деятельности.

Политический порядок устанавливается и поддерживается с помощью рационально-нормативных средств и методов исключительно формального характера. Но поскольку формализованный социальный порядок (фиксируемый в договорных, разумных, постоянных принципах политико-правового устройства, выраженного, как правило, в идее конституционализма), по сути, есть абстрактная конструкция⁹, то он подкрепляется легитимными средствами традиционного и харизматического рода (например, авторитетностью политического лидера, избранного при участии широких масс населения) [17]. Тем самым «рациональность, для того чтобы быть действенной, должна быть признанной и желанной; другими словами, *в рациональность необходимо верить*. Какое бы отношение ни существовало у политических агентов по отношению к действующей конституции или иному правовому акту, в своих

⁸ «Незнание высших смыслов и скрытых сущностей заставляет уважать эмпирический опыт; политический опыт избирателей при всем несовершенстве как раз и является формой такого опыта», – справедливо замечает А. Панарин / Панарин А. К реконструкции «Второго мира». URL: www.russ.ru/antolog/inoe/panar.htm (дата обращения: 07.11.2011).

⁹ «Разрушив среду, традиции и здравый смысл, рационализм оставляет себе лишь сухой остаток в виде абстрактных понятий», – отмечает по этому поводу И.А. Исаев / Исаев И.А. Указ. соч. С. 449.

действиях они должны исходить, прежде всего, из *предположения об их истинности и справедливости* (даже если с обыденной или политической точки зрения эти акты очевидно несправедливы)» [18].

Между тем происходит нарастание новых смысловых и практических форм обоснования деятельности власти и политического порядка. В духе современных рационалистических теорий, как замечает М. Фуко, перманентными становятся абстрактные категории, отражающие универсальность разумных законов и незыблемость социально-политических основ государства [19]. В свою очередь, практическая целесообразность власти и одновременно оправдание деятельности сложных, разветвленных властных структур основываются на новой логике управления, освобожденной от религиозных и сакральных догматов, которая выводится из двух теоретических презумпций: *во-первых*, государство должно быть суверенно и хорошо/эффективно управляемо; *во-вторых*, государство должно заботиться об удобствах и радостях жизни, *человеческое счастье, некогда зависящее от божественной воли и индивидуального социального/божественного служения, теперь становится предметом и инструментом политики*, оно является «необходимым для выживания и развития государства. Это некое условие, орудие, а не просто какой-то итог или последствие (курсив наш. – А.Ю.)» [20, с. 376]. Счастье людей, их комфортность и материальные условия делаются одной из составляющих «государственной мощи», принципом (у) правления и обоснования «ухищренной, дифференцированной и скрытой власти» [Там же, с. 372–374].

Однако сегодня *вопрос о легальности политического порядка, тех или иных институтов публичной власти должен быть органично связан с проблемой легитимности*, т.е. с адекватностью и одобрением, поддержкой общественным сознанием установленного государством порядка, правовых институтов и используемых властно-политических механизмов. Легальность должна опираться на ценностно-духовную систему, выработанную обществом в ходе его исторического развития,

иначе она превращается в формальный долг, выражает должествование, основанное не на правовом укладе, воле и интересах народа, а на «субъективном» интересе или абстрактном идеале, не имеющих действенных опор в правосознании граждан.

В этом смысле можно говорить о легитимной законности (легальная легитимность в интерпретации М. Вебера), которая отражает особое состояние «режима законности, характеризующегося нравственной обоснованностью и поддержкой со стороны населения требований правовых норм» [21]. С нашей точки зрения, идея легитимной законности (легальной легитимности) как раз и отражает соответствие правовых норм, институтов и механизмов национально-нравственному и общечеловеческому измерению, направляет развитие правовой системы, правотворческой и правоприменительной деятельности с целью совершенствования государственно-правовой организации конкретного общества.

В свою очередь, *легитимность государственной власти* в русской традиции – это соответствие, адекватность последней специфическому представлению о справедливости. Кроме того, она связана с реальной, фактической значимостью для конкретных субъектов определенного социально-политического и правового порядка, выраженного в тех или иных институциональных структурах, принципах и методах властвования.

Очевидно, что в современном политическом процессе легитимность выступает одной из *ведущих характеристик* государственной власти. Однако единства по поводу содержательной интерпретации данного феномена в существующих политологических, юридических и социально-философских теориях и доктринах не прослеживается. Это обусловлено не только различными трактовками легитимности и теоретическими выкладками по поводу самого процесса легитимации (или делегитимации) власти, но и убежденностью многих авторов в «расплывчивости» данного понятия, в его «низкой» эвристической продуктивности и

т.п. [22]. Причем даже в тех случаях, когда признается исследовательский потенциал данного концепта в анализе властных отношений, складывающихся и эволюционирующих в конкретном обществе, авторы в то же время отказываются дать четкую концептуализацию легитимности, ссылаясь на загруженность (перегруженность), ангажированность данного понятия, а также на его достаточно широкое значение, возникающее в связке с другими политическими явлениями и процессами [23].

Так, легитимность рассматривают с совершенно разных сторон, в разных качествах и контекстах:

- в качестве характеристики существующих публично-правовых институтов (т.е. признаются ли как необходимые существующие в обществе институты, в целом институционально-властный порядок);

- в качестве характеристики властно-правовой деятельности, носящей, прежде всего, оценочный характер (т.е. насколько реальная деятельность тех или иных представителей институциональных структур соответствует, вписывается в существующие общественные ожидания, надежды, веру и т.п.);

- в качестве характеристики, отражающей содержательную взаимосвязь субъект-объектных властных отношений (т.е. как формируются, кристаллизуются субъект и объект власти в существующих социально-властных отношениях, а также как осуществляется согласие, признание каждого из них (субъекта, объекта) своего статуса в контексте функционирующих в обществе властных отношений);

- в качестве характеристики, раскрывающей механизм, процесс социально-психологического признания вновь формирующихся институтов, в том числе и право какого-либо лидера на занятие той или иной должности, социальной позиции и т.п.;

- в качестве характеристики, отражающей адекватность властных действий, реформаторских усилий, представлений, ценностей и проч. некоторым исконным, исторически (тради-

ционным) сложившимся практикам, социальным моделям и типам отношений и т.п. (в некоторых случаях легитимность вообще анализируется как социальная реакция неприятия инноваций в институциональной сфере);

– в качестве консервативной характеристики, описывающей разворачивающиеся те или иные процессы и явления в общественной жизнедеятельности в обществе с точки зрения национальной историчности: сложившегося образа жизни и стиля политического мышления (в ряде случаев легитимность воспринимается и в негативных оценках – отказе от этого образа жизни и стиля мышления, например революционная легитимность¹⁰).

Конечно, данный перечень трактовок легитимности не исчерпывающий, напротив, существует еще немало разнообразных логических и теоретических определений и схем. Дело в том, что, как правило, одним термином пытаются описать и проанализировать совершенно разные, порой разновекторные, противоречивые явления и процессы. Так, на-

¹⁰ Для революционного сознания и практики легитимно всякое действие, институт и структура, разрушающие прежний образ жизни, быт, стиль мышления и т.п. Другими словами, революционная легитимность оправдывает и признает любые практики радикального преобразования, трансформации старого на новое. Так, например, в своих лекциях, посвященных политической философии, А. Пятигорский совершенно справедливо отмечал, что любая революция направлена, прежде всего, не на смену государственного строя, режима, системы – это все вторично, а на изменение образа жизни и мышления народа! Она «борется с народом, революционизируя его, с его согласия или без него. И только когда это революционное действие завершается на этом объекте – народе, населении, – возможно радикальное изменение государства и политической власти... Основной внутренней целью революции была не отмена прежнего государственного строя, а радикальная трансформация мышления людей». В этом контексте лучшим доказательством этого тезиса являются слова А.М. Горького, который писал: «Наш самый страшный враг – не капиталистическое окружение, не остатки белогвардейцев, не шпионы и диверсанты. Наш самый страшный враг – образ жизни этих людей, который должен быть выкорчеван до основания. А если они не захотят, то они будут полностью исключены (курсив наш. – А.Ю.)» / Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций. Москва, 2007. С. 131, 135.

пример, такие понятия, как «легитимность», «легитимизация», «делегитимизация», «вера», «согласие» (иногда даже солидарность, толерантность, терпимость тоже входят в ту или иную концептуальную версию рассматриваемого понятия)¹¹, «авторитет», «поддержка», «доверие», механизмы и процесс социального признания, поддержания порядка, договоренность в отношениях, социально-психологическая реакция и т.п. часто объясняются схожим образом, а многие из них воспринимаются как тождественные.

С нашей точки зрения, категория «легитимность» – это *более общее, родовое понятие для целой серии явлений, отношений и процессов*. Она выступает, прежде всего, в виде *качественной характеристики политической организации общества*, которая в свою очередь *раскрывается и конкретизируется* посредством ряда взаимосвязанных феноменов. В соответствии с этим не следует смешивать формирование и национально-культурную эволюцию институционального порядка с внешними процессами его признания, одобрения. Безусловно, политико-правовой порядок не может существовать без поддержки, одобрения, авторитета, признания, которые отражают разные свойства и стороны более общей качественной характеристики – легитимности.

Скорее, легитимность есть генезис «признания» в развитии институционально-властной организации общества.

¹¹ См., например, статью М.В. Лазарева, который трактует легитимность в качестве процесса по достижению лояльности, социальной терпимости и толерантности в обществе между всеми его членами. При этом лояльность (читай как легитимность) выступает в политической организации общества в качестве фундаментальной характеристики, имеющей системообразующие и системосохраняющие связи / Лазарев М.В. Политическая лояльность // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5 [73]. В том же духе рассуждает и М. Дюверже, полагая, что легитимен тот политический режим, который хотя бы в неявной форме соответствует народным устремлениям, иными словами, легитимен любой режим, отвечающий народному консенсусу / Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. Москва, 1997. Т. II. С. 647 [71].

Тем самым она отражает именно *качественную характеристику становления, развития и современного функционирования институционально-властной конфигурации органов, структур власти и, соответственно, должностных лиц, их представляющих.*

Здесь можно согласиться с известным философом К. Ясперсом, что «легитимность подобна кудеснику, беспрепятственно создающему необходимый порядок» [24]. Прав и современный теоретик политической легитимности А.-Н.З. Дибиров в том, что «легитимность – это способ производства политического порядка в соответствии с определенными принципами и на определенных основаниях» [25]. Однако позволим здесь сделать небольшую корректировку в вышеуказанной трактовке термина «легитимность» в соответствии с выбранными нами теоретико-методологическими ориентирами. Нам видится, что легитимность – это не только способ производства, поскольку «способ» ориентирует на процедуры и механизмы легитимации власти, которые могут изменяться во времени и в пространстве. Справедливым будет заметить, что *легитимность – это качественная характеристика политико-правовых и социально-духовных закономерностей производства институционально-властного порядка в ходе развития общества.* Естественно, что это развитие формирует, добавляет, уточняет и трансформирует специфические (свойственные определенному времени, конкретному обществу и его социально-политическому опыту) источники, принципы, механизмы и практики легитимации институтов и структур власти, властной деятельности конкретных должностных лиц и иных политических деятелей. В том же ракурсе отмечает и В.Е. Чиркин, полагая, что легитимность – это *свойство государственной власти, отражающее состояние* правильности, оправданности, целесообразности, законности и другие стороны соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, социальных и иных коллективов, общества в целом [26, с. 66].

Именно на этой качественной характеристике развертываются *видовые определения* таких феноменов, как «политическая легитимность», «социальная легитимность», «экономическая легитимность», «легитимность права», «личная легитимность» (тех или иных государственных деятелей, политических лидеров, представителей гражданского общества). Думается, именно данные теоретико-методологические и смысловые моменты хотел выразить автор, определяя политическую легитимность как «содержание взаимодействия политической системы и общества. Политическая легитимность – это совместная рефлексия власти и общества, это постоянное соотнесение общественного порядка подчинения с неким более высоким этическим началом, признаваемым как обществом, так и властью» [26, с. 26].

Вследствие этого легитимность государственной власти в современных условиях и в контексте политического развития следует анализировать как *качественную характеристику* специфического состояния политической организации общества [27]. Данная характеристика отражает, прежде всего: а) степень устойчивости публично-властных институтов; б) уровень преемственности в институционально-властном развитии; в) адекватность существующего порядка властных отношений сложившимся моделям взаимодействия в системе личность – общество – государство; г) степень соответствия методов и способов осуществления власти (режимности власти) социальным ожиданиям; д) уровень «социальной напряженности» в процессе осуществления политического управления общественными процессами, в том числе степень потенциальной возможности направлять действия всех социальных субъектов с минимальным использованием средств и технологий принуждения и насилия и проч.

Данный перечень индикаторов, отражающих содержательную характеристику функционирования публично-властных институтов, не полон и требует дальнейшего изучения и корректировки. Тем не менее он отражает основные

характеристики легитимной или делегитимной деятельности властных институтов и структур, формирует мыслительные штампы, когнитивные готовности и оценочное восприятие властно-политических явлений и процессов. На повседневном уровне этот комплекс характеристик маркируется в качестве справедливой (или, наоборот, несправедливой, антинародной) политики государства. Академик Н. Моисеев отмечал, что накопление «ощущения» несправедливости в политической деятельности есть *накопление потенциальных неустойчивостей в системе*.

В том же ракурсе рассматривают сегодня концепт легитимности и ряд зарубежных исследователей. Так, например, М. Липсет полагал, что легитимность есть качество системы, ее способность поддерживать *веру* населения и социальных групп в то, что существующие публично-властные институты наиболее *адекватны* данному обществу, его этапу исторического развития, геополитическому положению в мире и т.п. [28]. Ж. Лира в свою очередь также отмечал, что легитимность – это то качество политической системы, которое поддерживает в общественном сознании «убеждение в том, что, несмотря на все их промахи и недостатки (в функционировании институтов. – *Прим. авт.*), существующие политические институты являются наилучшими, нежели какие-либо другие, которые могли бы быть установлены и которым следовало бы в результате подчиниться» [29].

Следовательно, категория «легитимность» ориентирует на анализ определенного *состояния функционирования* властного пространства, специфических отношений и взаимодействия, порядок которых соответствует, «устраивает», вписывается в *доминирующий тип* политической мысли деятельности всех его участников. Иначе говоря, легитимность – это характеристика функционирования власти в особом режиме и порядке институционального устройства, соответствующего конкретному обществу и его этапу историко-культурного развития. Она отражает социальную «атмосферу» и реакцию на публично-правовую деятельность вла-

стных институтов. Так, многие теоретики отмечали, что власть (прежде всего, властные отношения в системе личность – общество – государство) может функционировать только в легитимном пространстве.

Например, известный политический философ А. Кожев в своем феноменологическом анализе властных отношений формулирует три весьма важных утверждения для понимания легитимности как качественной характеристики власти. *Во-первых*, легитимный характер власти подразумевает следующее: «Любая Власть обязательно является признанной Властью: не признавать Власть – значит отрицать ее, а тем самым ее уничтожить» [30, с. 19].

Во-вторых, легитимное «употребление власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно *исключают* друг друга. Вообще говоря, для употребления Власти следует *ничего не делать*. Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует» [30, с. 19. 20]. Данное утверждение в большей степени отражает не столько потенциальное, авторитетное понимание власти, сколько социально-психологическое ее признание, а также существующего порядка, стабильности властных отношений в обществе, исключающей негативную реакцию (явного и латентного характера), силовые отношения (господства – подчинения) и т.п. *В-третьих*, чтобы легитимное действие стало властным и наоборот, «достаточно отказа (свободного и сознательного) от осуществления возможных “реакций”».

Таким образом, заключает А. Кожев, властное действие легитимно уже по определению. Следовательно, «бессмысленно говорить о «незаконной» или «нелегитимной» Власти; это противоречие *in adjecto*. Тот, кто «признает» Власть (не существует «непризнанной» Власти), признает тем самым ее «легитимность». Отрицать ее легитимность – значит не признавать ее, а тем самым ее уничтожить. В том или ином конкретном случае можно отрицать *существование* Власти, но

нельзя противопоставлять *реальной* Власти (т.е. признанной) какое бы то ни было “Право”» [30, с. 21].

Таким образом, нелегитимность государственной власти – это не только «отказ», непризнание за ней права на руководящую роль в обществе, а в большей степени нивелирование (в терминологии А. Кожева – уничтожение) ее как таковой. *Нелегитимность государственной власти* отражает состояние нестабильности, иллюзорности существующего порядка, разложение властных отношений в системе личность – общество – государство, подмену этих отношений организованным насилием, произволом, которые могут существовать лишь временно. В таком состоянии социальной системы воцаряется хаос, формируются условия для революционных потрясений, инициирующих смену (трансформацию) нелегитимного институционального устройства и формирование «нового» легитимного, адекватного порядка и режима функционирования властных отношений.

В то же время существующее в теории государства традиционное утверждение о том, что легальность и легитимность – это две основные характеристики власти, следует воспринимать с достаточной степенью условности. Общеизвестно, что *первое понятие отражает формально-нормативное, этически нейтральное в функционировании власти; а второе, наоборот, обладает нравственным измерением и нейтрально к юридической составляющей властных отношений.*

Из этого положения достаточно часто делают совершенно противоположные выводы. Например, государственная власть может функционировать, будучи легальной, но нелегитимной, не признаваемой народом. Однако, как мы отмечали выше, такое если и возможно, то лишь временно. Нелегитимное состояние государственной власти – это, прежде всего, *неустойчивое, переходное состояние общественной системы, стремящейся к самоорганизации адекватного власт-*

ного порядка и социально признаваемого режима функционирования властных отношений в обществе.

Другое утверждение (одно из самых распространенных) заключается в том, что всякая легальная власть есть, по сути, легитимная, поскольку соответствие ее законным основаниям и правовым процедурам функционирования автоматически завязывает ее в своей деятельности на интересы народа, права и свободы человека и т.п. При этом игнорируется положение классической теории легитимности, сформулированной М. Вебером (на которой эти утверждения основываются), что легальность – один из принципов, а легализация – один из способов легитимации власти в том или ином обществе.

Напомним, для М. Вебера «легитимность» является более широким понятием, чем «легальность», поскольку первое отражает значимость социального порядка и поддерживающих его институтов, а второе – один из видов легитимности, связанный с внешними способами обеспечения и защитой последнего. Однако при этом следует учитывать, что «в разные эпохи и разными политическими силами то легальность становилась выше легитимности, то наоборот». В связи с этим, по мнению А.Ф. Филиппова, М. Вебер «подходит к делу как социолог, и потому для него общим понятием оказывается легитимность: вера в законную значимость порядка» [31].

В этом плане неоправданно как отождествление данных категорий, так и концептуальная «подчиненность» легитимности понятию «легальность». Напротив, современная публично-властная практика свидетельствует об обратном, а именно о нарастании смыслового многообразия «оправданий» власти. *Абстрактно-юридическая фиксация отношений не в силах закодировать в правовую норму все многообразие технологий и способов процессов легитимации тех или иных институтов власти.* Кроме того, как утверждает М. Фуко, современное формально-нормативное понимание власти «неадекватно тому способу, каким она осуществля-

лась и осуществляется; однако же оно является тем кодом, в соответствии с которым власть себя предъявляет и в соответствии с которым, по ее же собственному предписанию, ее и нужно мыслить», поэтому «если мы хотим проанализировать власть в конкретной исторической игре ее приемов, то как раз от этого образа нужно освободиться, т.е. от теоретической привилегии закона и суверенитета. Необходимо построить такую аналитику власти, которая уже не будет брать право в качестве модели» [32].

Сегодня мы «вступаем, – продолжает французский исследователь, – в такой тип общества, где юридическое все менее и менее способно кодировать власть и служить ей системой представлений» [33]. Особенно это справедливо по отношению к проблематике адекватности институтов власти историко-культурному контексту их функционирования. Даже в современных демократических западных обществах процессы легитимации, какую бы рациональную подоплеку они не имели, протекают за абстрактным юридическим кодированием властных отношений. Большинство западных политологов единогласно интерпретируют концепт «легитимность» как *веру населения* в обоснованность функционирования власти. Так, ведущий западный политический социолог П. Бурдьё утверждал, что вся жизнь западного человека основана на вере в распространенные политические мифы и формально-правовые модели¹². В основе доверия граждан западных демократий к институтам власти, замечает он, лежит, по сути, их наивная вера в равенст-

¹² Справедливости ради следует отметить, что на это обстоятельство указывал и сам М. Вебер. Так, он отмечает: «Вообще следует отметить, что основой всякого господства, а следовательно, и каждого подчинения является вера: вера в «престиж» господствующего или господствующих. Она редко до конца определена. При «легальном» господстве она никогда не бывает чисто легальной, но вера в легальность является «привычной», а стало быть, даже связанной традицией – срыв традиции в состоянии ее уничтожить» // Вебер М. Хозяйство и общество. Часть 1. Экономика, общественное устройство и власть. URL: http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/r_weber2.html [69].

во перед политикой, которая предполагает покорную сдачу позиций и обеспечивает неограниченный кредит для партий и чиновников [34]. Другой теоретик, Т. Парсонс, утверждал, что основание легитимности покоится не в нормативной системе, а в ценностных ориентациях социальных агентов, имеющих духовно-нравственный источник. Поэтому с его точки зрения феномен легитимности имеет по крайней мере две характеристики: *конституционную* (т.е. легитимацию через высший юридический акт) и *моральную*, связанную с ценностно-духовными ориентирами.

Все это иницирует теоретико-методологическое осмысление категории «легитимность» не столько с точки зрения формально-юридизированной стороны, сколько в социально-политическом и духовно-культурном измерениях. Интересной в этом контексте видится позиция Д. Битема, который предлагал изучать легитимность не только в контексте «веры в легитимность», а на основе многообразия ее реальных оснований. В качестве таковых он предлагал рассматривать соответствие власти установленным нормам, причем не только формального, но и неофициального характера, подкрепленность данных норм верованиями, разделяемыми правительством и народом, демонстрацию поддержки власти со стороны управляемых.

Важно то, что, М. Вебер, основываясь на трех основных видах легитимности (традиционной, харизматической и легальной), указывал на взаимосвязь и взаимообусловленность последней. Причем в каждом обществе, по его мнению, в ходе исторической эволюции кристаллизуется сложная структура взаимодействия различных уровней легитимации [35]. В этом плане сама дискуссия о преобладании формально-рационального или духовно-культурного в признании государственной власти имеет смысл в контексте той или иной формы государства, поскольку их соотношение меняется в зависимости от ряда критериев, требований политической стабильности, уровня развития властных отношений, национальной обусловленности властного мыш-

ления и т.п. С нашей точки зрения, формально-юридический аспект (легализация) и социально-политический аспект (легитимация), который может иметь как институционализированный, так и неформальный (стихийный, самоорганизационный) характер, в функционировании государственной власти *комплексно отражают* существующую институционально-властную организацию, реальные политические процессы и существующий социально-политический и правокультурный климат, в котором они разворачиваются.

Таким образом, легальные основы легитимности концентрируют внимание исследователя на *институционально-правовых принципах и процедурных (процессуальных)* свойствах легитимной организации государственной власти. В свою очередь, социально-политический срез ориентирует на *способы, методы и техники* легитимного функционирования государственной власти, т.е. на *специфичность режима* легитимации публично-властного взаимодействия в конкретном обществе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. *Легитимность* интерпретируется нами как качественная характеристика определенного политического состояния общества, которое соответствует социально-политическим, публично-правовым, экономическим и духовно-культурным закономерностям производства и воспроизводства (преемственности) институционально-властного порядка в развитии конкретного общества. Другими словами, легитимность отражает соответствие (или делегитимность – несоответствие) функционирующей системы институционально-властной организации уровням, моделям и специфике властных отношений в системе личность – общество – государство национально-культурной мыследеятельности. Легитимность, следовательно, выступает и как цель функционирования всех институтов и структур, их уполномоченных представителей, но в то же время является результатом этого функциони-

рования, отражающего определенное качественное состояние.

2. *Легитимизация* (или делегитимизация) – это процессуальная составляющая более общего явления – легитимности. Она отражает процесс, способы, методы и техники оправдания существующей властно-институциональной конфигурации, основных форм и параметров их функционирования. Именно в процессе развития реальных властных отношений в среде личность – общество – государство, обусловленном существующей социально-политической и экономической обстановкой, политической культурой и ее архетипическими кодами, формируется режим легитимного функционирования институтов власти и конкретных политических акторов и должностных лиц.

3. Понятие «легитимный» – это уже оценочная характеристика, распространяющаяся либо на конкретных политических акторов и их действия, либо на конкретные институты и их институциональную активность. Тем самым последнее, с нашей точки зрения, следует анализировать в двух плоскостях – деперсонифицированный (институциональный) легитимный режим и персонифицированный легитимный режим. Первый режим отражает режимность функционирования публичных институтов власти, сложившийся, укорененный в национальной культуре образ, порядок и модальность (преемственно воспроизводящиеся модели властного взаимодействия между личностью, обществом и государством). Второй режим, соответственно, это режим функционирования отдельных «персон», занимающих в обществе официальные или неофициальные властные позиции.

4. Легитимный режим – это комплексный системный феномен, отражающий оценку реально существующих публично-властных отношений, формирующихся в процессе мыследеятельности субъектов и их взаимодействия по поводу реализации общего блага, национального интереса (консолидированных индивидуальных, общественных и го-

сударственных интересов и потребностей). В свою очередь, взаимосвязь процессов легитимизации и режимов легитимного функционирования отражает закономерности и случайности в формировании политического порядка, его легитимности. Именно легитимность последнего придает данному порядку стабильность и целостность, поскольку, как отмечает Э. Гидденс, оправданность и адекватность существующих институтов, т.е. легитимность последних, есть способ стабилизации любого социального взаимодействия. При этом он подчеркивает, что доверие к ним может структурировать разновекторные взаимодействия между людьми, не имеющими непосредственного контакта, сглаживая различия поведенческих контекстов, вызванных удаленностью в пространстве и времени [36].

5. Легитимность как качественная характеристика публично-властной деятельности имеет ряд источников, влияющих на содержание процесса легитимации властно-институционального порядка и публично-правовой деятельности властных институтов и структур. Традиционно под источниками принято понимать: во-первых, «силы», которые инициируют те или иные политические явления и процессы (это и божественная воля в религиозных государственно-правовых системах, и народная воля, групповые интересы в светской юридико-политической организации и т.д.); во-вторых, определенное историческое наследие, т.е. государственно-правовой и духовно-нравственный опыт народа, его политические и правовые памятники, символы, сложившиеся системы представлений (все то, что принято ассоциировать с исторической обусловленностью этих явлений и процессов – «так было всегда», «предписано временем, наследием предков» и проч.); в-третьих, материалы, посредством которых мы познаем власть, государство, иные политические феномены, т.е. то, что является источником познания различных явлений, процессов в политико-правовой жизнедеятельности общества; в-четвертых, материальные (географические, климатические, психологиче-

ские, биологические и иные) факторы и условия жизни общества, влияющие на формирование и развитие конкретной политической системы и определенной политической жизнедеятельности общества; в-пятых, это формально-нормативные и институциональные источники, опосредующие публично-властное взаимодействие в обществе. В этом контексте можно выделить следующие факторы, влияющие на качественное (легитимное) функционирование национального публично-властного пространства:

- естественные источники, под которыми принято рассматривать влияние климатических, демографических и географических условий на политическую жизнедеятельность общества, оказывающих непосредственное воздействие на процесс институционализации властной конфигурации, генезиса властных отношений;

- идеократические источники легитимности, которые отражают социально-политические идеи, доктрины и концепции, ставшие основой той или иной политической системы, высвечивают особенности и стиль политического мышления, обуславливают характер восприятия и оценки публично-властной деятельности;

- социальные источники, отражающие влияние социальных, политических, экономических, духовно-культурных и этнонациональных факторов на формирование и развитие властных отношений. Как показывает исторический опыт, концепция устойчивого политического развития находит свое реальное содержание не в универсальных и идеализированных, по существу, оторванных от реального социально-культурного уклада принципах, а, напротив, в национальном способе бытия, в тех формах социальности (Г. Гурвич), которые формируются при коллективном общении, в процессе политической коммуникации и преемственно воспроизводятся в ходе исторического развития;

- формально-нормативные и институциональные источники, отражающие нормативно зафиксированные средства, способы организации властных институтов, а также приемы

и формы легального осуществления публично-властной деятельности.

1.3. Социокультурные основания доверия к институтам государственной власти в контексте цифровых вызовов и угроз

Мамычев Алексей Юрьевич

Мордовцев Андрей Юрьевич

Матюк Юлия Сергеевна

Обращение к вопросам «национального характера» в той или иной форме, в разных своих дискурсивных выражениях всегда имело место в антропологических и этнологических исследованиях. Авторы стремились к выявлению оригинальных, свойственных тому или иному народу, нации, этносу гуманитарных практик вообще и конкретных их проявлений в частности (политических, юридических, экономических, религиозных и др.), адекватному пониманию своеобразия мира повседневности, включающего такие важные образования, как семья, брак, способы передачи первичных и иных умений, знаний, навыков, или, выражаясь профессионально, – «трансляции культуры» (например, в африканском типе культуры и цивилизации вся базовая информация «культурные коды» передаются в рамках господствующей там «патриархальной» модели, от старшего поколения к младшему, от родителей к детям, а в азиатской версии национальный характер, присущие ему ценностные и смысловые ориентации формируются, прежде всего, внутри страт, замкнутых коллективов, например индийских каст, в рамках которых транслируется разного рода информация, включая и политические, и правовые, и религиозные, и социально-бытовые знания и умения; не случайно, что здесь сами знания, характер их трансляции весьма догматические, часто окружены ореолом «тайнственности», «секретности» и т.п., что, разумеется, получило свое отражение в национальном характере представителей азиатского мира,

определило их отношение к власти, государственным структурам, государству в целом).

Национальные характеры европейских народов начинают формироваться в последних веках прошлой эры, все более и более отрывающейся от азиатского и иных типов греко-римской культуры (политической, правовой, позже экономической и т.п.). В этом духовном пространстве трансляция культуры основана на открытом характере информации. Время «великих посвященных» (Э. Шюре) проходит, и знания, умения, навыки уже может получить любой, кто, конечно, желает это сделать [37].

Открытый и доступный характер информации (в большом ее объеме, т.к. некоторые сакральные тайны еще, конечно, остаются) предполагает невиданный для азиатского или африканского типа мышления и сознания способ ее обоснования. Появляется принципиально новый тип *аргументации* (позже – доказательства), который уже не связан со ссылкой на авторитеты в политике, государственной власти, философии или искусстве, либо какие-либо родственные отношения.

Одним из надежнейших источников такого обоснования являются толкование, комментирование текстов (законов, Священного писания, деятельности, выступлений политических лидеров, функционирования тех или иных государственных институтов и т.п.). За столетия развития западного типа цивилизации *экзегеза*, а позже *герменевтика* (представляющая собой не набор принятых интерпретационных техник, а искусство понимания и коммуникации) становятся основой осмысления и оценки мира, формирования критериев прогрессивности или, наоборот, регрессивности происходящего с отдельным человеком, обществом в целом, государством, политической и правовой системой, появившихся в конкретный исторический момент [38].

При сохранении базовых характеристик западного типа национального характера к началу XXI в. уже выделяют некоторые «архетипические» характеристики представителей

разных народов, определяющие их социальное бытие, включающее их отношение к государственной власти, ее институтам и особенностям их работы. Так, в устном выступлении Б. Акунин отмечал, что базовыми положениями для английского характера являются «свобода – достоинство – честная игра», для французского – «свобода – возвышенность духа – красота», для японского – «долг (гири) – искренность – «скрытая» красота», а для русского – «правда – сострадание – широта». В целом из последнего представления исходил и Ф.М. Достоевский, когда утверждал, что «да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и все мирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое» [39].

Собственно, в таком ракурсе проблемы стоит понимать содержание, смысл и ценность понятия «Родины» и для русских, и для иных народов, тем более что источником последних выступает греко-римское политико-правовое сознание: у кочевников понятие «Родина» как таковое отсутствовало либо сводилось к социальному пространству временно поставленного ими жилища (например, юрты); в римской же цивилизации «Родина» – это мир римского гражданства, римского права, римской власти, причем исходящий из прочной ментальной «картинки» Рима как «вечного города». Ясно, что государственные институты только тогда смогут заслужить доверие со стороны россиян (по крайней мере, большинства из них), когда они не будут препятствовать проявлениям сущностных основ национальных характеров, управляемых ими или находящихся в поле их функционирования.

В современном научном гуманитарном дискурсе вопросы национального характера ставятся и решаются в ряде дисциплин. В частности, весьма интересные наработки в

этой предметной области можно увидеть в этнологической акмеологии, ряд положений и выводов которой используются, например, в юридической антропологии и этнологии, политической антропологии и социологии политики, в таком направлении политологического знания, как элитология и т.п.

Например, В.П. Бранский для понимания специфики национального характера оперирует научными концептами – «этнический стереотип поведения», «этническое самосознание», «социальный идеал», «конформизм» и «трансформизм», вторгаясь в область не только сокрытых, но и устойчивых начал национального бытия. «Главная трудность в анализе стереотипа поведения заключается в том, что он имеет очень тонкую и сложную структуру. Основу стереотипа поведения составляет стереотип бытового поведения... Нетрудно заметить, что список важнейших нормативов стереотипа бытового поведения таков, что посторонний наблюдатель получает полную возможность заглянуть, как в замочную скважину, в самые интимные уголки жизни этноса... однако, когда мы говорим о «русском стереотипе», речь идет не о всеобщих, а только типичных качествах, то есть характерных не для каждого представителя народа, а для большинства народа. Это отнюдь не исключает существования среди такого народа разного рода индивидуальных отклонений, не укладывающихся в рамки стандартной этнической схемы» [40].

В общем, когда тема «национального характера» перемещается в научную плоскость его понимания, то здесь возникает уже проблематика *национального менталитета* либо разных его модификаций (правовой, политической, экономической и др.) [41, 42]. Здесь, очевидно, уходит на задний план некоторая «художественность» и «образность», присутствующая при оперировании категории «национальный характер», однако вместе с этим минимизируется интуитивный характер его восприятия, происходит «методологизация» (т.е. «онаучивание») данного феномена нацио-

нальной (политической, правовой или экономической) жизни, что, собственно, и позволяет строить разного рода модели, проводить концептуализации, выявлять и исследовать разного рода социальные тренды, факторы, перспективы и т.п. [43, 44].

Не вдаваясь глубоко в вопросы генезиса и развития категории «менталитет» (это предмет отдельных специальных исследований), обратим внимание на то, что античные авторы, например Геродот и Фукидид, создавая исторические нарративы, указывали на то, что каждый народ все же имеет специфические черты, отличающие его от х народов (славянофилы, например, на этом основании выделяли весьма специфические черты славянского этноса, сложившиеся еще в древности, проявляющиеся в организации власти в своих общинах, в отношениях между вождями и общинниками, между общинниками и жреческой властью и т.п.).

Однако научный дискурс по отношению к национальному менталитету начинает формироваться значительно позже, а именно к середине XIX в., когда возникает школа «психологии народов» (Лацарус, Штейнталь и др.), в рамках которой, правда, преобладает философско-филологическое направление изучения ментальностей разных народов, их устойчивых «умонастрений» (создатели школы одними из первых обосновывают положение о «языке как важнейшем индикаторе культуры народа»). Несколько позже В. Вундт в работах «Лекции о душе человека и животных» и «Психологии народов» придал последней более реалистический вид и даже предложил целую программу эмпирических исследований языка, мифов, обычаев, т.е. сделал заявку на создание социологии обыденного сознания [45].

Термин «менталитет», по мнению многих современных исследователей, в научный оборот впервые был введен американским философом Р. Эмерсоном в 1856 г., однако понятийно-содержательное наполнение этой категории продолжается и в настоящее время, но чаще всего работа ведется

по отраслям научного знания (политология, правоведение, антропология, этнология, социология и др.).

В первой половине XX в. и позже большинство исследователей уже сходились на том, что понятие «менталитет» означает «нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т.е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций» [46].

Для научного дискурса первой четверти XXI в. обращение к ментальности вообще, скорее всего, эвристически малопродуктивно, напротив, введение в исследовательское поле таких категория, как «политический менталитет», «правовой менталитет», «профессиональный менталитет» и др., приводит к интересным, а иногда и неожиданным результатам, тем более это оказывается важным при очевидной эскалации рисков, возрастании политической и военной конфликтогенности, нарастании угроз гражданской или мировой войны и т.п.

Заметим, что для понимания генезиса, эволюции, истории властных отношений, их содержания, системы, культур-цивилизационных опор и «скреп» обращение к такому устойчивому и в полной мере органичному конкретному этносу или нации элементу, как менталитет, оказывается более чем продуктивно, т.к. позволяет уйти от формационных «перегородок», а значит и от увлеченности государственным «идеологическим» дискурсом (рассмотрение социально-властного пространства в контексте противоречащих друг другу идеологических систем, например «буржуазных» и «социалистических»).

Для осмысления же «доверия» населения государственным институтам, органам, отдельным политическим лидерам, понимания его природы и основ в рамках модели политико-правовой рискогенности, ментальное измерение проблемы позволяет включать в исследование этнонациональные духовные и поведенческие элементы и без какого-либо

ситуационного «напластования» стремиться к «чистоте» изучения.

Таким образом, изучение феномена (даже особого института) доверия граждан своему государству, точнее, его важнейшим органам, структурам, представителям властных элит (партийных, беспартийных), предполагает выявление ментально обусловленных, т.е. архетипических по своей сути, элементов, являющихся, с одной стороны, компонентами механизма обеспечения доверия как основы легитимности, источника разных ее форм и способов, а с другой – индикаторами доверия, которые могут служить критериями его оценки, причем как в «цифровую», так и «доцифровую» эпохи (хотя ряд отличий в последнее десятилетие все же начинает проявляться).

Прежде чем погрузиться в «анатомию» доверия властным институтам и выделить ряд ментальных его опор, обратим внимание на то, что, например, следуя методу М. Фуко, а именно «двигаясь от публичных дискурсов-знаний к скрытым (которые и необходимо реконструировать) дискурсам-практикам и от них к таким социальным явлениям, факторам, которые и позволяют понять, как государственная власть формируется, существует, трансформируется и функционирует» можно увидеть, в частности, что властные государственные структуры нередко имеют место параллельно с так называемыми «теневыми» структурами, являющимися своего рода «конкурентами» в плане доверительного отношения к ним со стороны большинства населения страны, причем в ходе известного реформаторского «сумбура» такая ситуация в публичном порядке признается со стороны официальных структур.

В ежегодном послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ прямо заявил, что «мы практически стоим у опасного рубежа, когда судья или иной правоприменитель может по собственному усмотрению выбирать норму, которая кажется ему наиболее приемлемой»; более того, в стране вообще «формируется и своего рода «теневая юсти-

ция»... граждане, потерявшие надежду добиться справедливости в суде, ищут другие, далеко не правовые «ходы» и «выходы» и подчас убеждаются, что незаконным путем имеют шанс добиться, по сути, часто справедливого решения»¹³.

Можно с уверенностью сказать, что при такой ситуации вряд ли можно говорить о повышении «градуса» доверия большинства населения России к государственным институтам, так как доверительный (легитимационный) компонент властных отношений в рамках *прагматически-рационального* дискурса, привнесенного, кстати, в отечественное духовное пространство процессами либерализации, а точнее «вестернизации» как формы национальной политико-правовой модернизации российской государственности, всегда ориентирован на признание безусловной ценности результата, получаемого гражданином в результате обращения во властные структуры.

Однако начиная с 2000 г. намечается и в настоящее время уже в полной мере ощущается «дискурсивный поворот» в области доверия российского народа и власти. Такая ситуация во многом связана с рискогенной политической ситуацией, а также изменением властных практик за последние два десятилетия:

«Многоукладность» бытия государственной власти в России ушла, уступив место состоянию «моносубъектности», которое (при известных оговорках и признании разных исторических политико-правовых моделей последней) органично содержанию отечественной ментальности, хотя «моносубъектность» здесь все же не стоит отождествлять с чьей-либо персональной властью (Президента или Генерального секретаря, председателя Совнаркома), т.к. это только одна из ее форм, но возможны и другие формы, предстающие в виде «консолидированного субъекта» (на-

¹³ Не будет ни революции, ни контрреволюции // Российская газета. 2001. 4 апреля. С. 3.

пример, власть партийных институтов и органов, власть «семибанкирщины» или «Семьи» в 90-х гг. постсоветской России и др.).

Начиная с 2000 г. идет возрождение как на институциональном, так и на ментальном уровне «авторитетно-харизматического» дискурса доверия к власти, «всплывают» ранее имевшие место ценности и стереотипы, массовые духовные «опоры» Первого номера, возникает, казалось бы, утраченный в России феномен «национального лидера», фигура которого (как показала ситуация 2008–2012 гг.) уже не совпадает с легальным, законно избранным главой государства. Здесь авторитет «национального лидера» обеспечивает доверие большинства населения к государственным институтам, которое, в свою очередь, становится источником устойчивости последних даже при резкой эскалации совокупности социальных «рисков» после 2014 г. Прагматически-рациональная версия доверия населения по отношению к власти, конечно, сохраняется, но уже уходит на второй план.

«Анатомируя» пространство «доверия» к государственным институтам, включенное в ментальное поле конкретного этноса, получим ряд важных «измерительно-оценочных» (критериальных), по своей сути, параметров:

– *дистанция власти* (специфика традиционного диалога между властью и обществом, проявляющаяся в своем явном виде в наличии некоего «порога» чувствительности «несправедливости» властных решений и действий условно; конечно, он может быть «низкий», «средний» и «высокий»);

– *боязнь неизвестности*, исторически свойственная конкретному социуму (заметим, что, собственно, рациональный «слой» в рамках этого компонента «пересекается» с иррациональной, практически невербализованной, но ощущаемой в массовом и индивидуальном масштабе «эмоциональной», подсознательной по своей сути компонентой, связанной с «тревожным» или, наоборот, «мажорно» окрашенным ожиданием будущих событий; например, модель

«света в конце тоннеля» в течение нескольких десятилетий определяла доверие населения СССР к сталинским государственным институтам, была в основе советской идеологии 20–30 гг. и позже);

– *индивидуалистические* и *коллективистские* начала в организации и функционировании власти в национальном мире (доминирование индивидуалистических начал в западных либеральных демократиях, когда именно индивид включен в систему властных отношений, причем и как их первичный субъект, и как объект управления и властных манипуляций; гражданское общество здесь – это только способ реализации и охраны индивидуальных интересов, напротив, в государствах с преобладанием общинно-коллективистских или «соборных» начал господствующим является представление о том, что государство в первую очередь не должно «обмануть» коллективное доверие, ожидания тесно связанного с ним социума, однако интересы государства включают в себя и коллективные и тем более индивидуальные; они оказываются «растворены» в «плотной» публично-властной среде, а кризис последней – неминуемый крах всего общинного (корпоративного) и личного);

– *долгосрочная* или *краткосрочная* ориентация (перспектива) в политической жизни страны (разного рода кросс-культурные исследования, проводившиеся за последние 20 лет, преимущественно в западном социально-гуманитарном познании показали, что нации с преобладанием восточного типа ментальности склонны к так называемому «гиперперспективному» планированию, особенно в семейно-бытовой, религиозной, несколько в меньшей мере в политико-правовой сфере, что в общем служит одним из показателей доверия к государственным властным институтам, признания устойчивости, стабильности их функционирования, общей стратегии развития. Нации, принадлежащие к западному ментальному миру, напротив, проявляют тревогу за свое будущее; они склонны к краткосрочным планам, т.к.

иное просто невозможно в этой рискогенной и конфликтогенной среде).

Здесь уровень доверия к властным органам, конечно, ниже, однако именно первые параметры рассматриваются населением в качестве в той или иной мере надежного источника преодоления возможных кризисов, а то и катастроф; в таком контексте доверие к власти все же сохраняется, но получает иную смысловую, аксиологическую и функциональную «транскрипцию» [47].

Интересно преломить эти параметры ментального моделирования доверия населения к властным институтам сквозь призму процессов цифровизации властных отношений, выделить при этом некоторые специфические характеристики, тем более что, по мнению ряда современных авторов, именно «цифровизация запустила процессы, в чем-то схожие с «неолитической революцией» (Г. Чайлд), которая привела к смене форм социальной и экономической организации (переход от кочевого образа жизни к оседлому, от присваивающей экономики к производящей), к появлению первых политических сообществ и т.д.» [20]. Причем в рамках основных задач данного исследования категории «цифровизация» и «цифровой транзит» не будем различать, но конвенционально отождествим.

Итак, обратим внимание на то, что:

во-первых, возникающие новые модели и инновационные формы властных отношений (виртуальное правительство, государственные сервисные платформы и т.п.) интенсифицируют передачу политико-правовой информации «сверху» до «низу»; темп, ритм формирования властной коммуникации уже далеко не те, которые имели место в «бесцифровом» властном поле, поэтому как негативные, так и позитивные решения государственных структур предполагают их быстрое «усвоение» подвластными, «порог чувствительности» которых в итоге может снижаться (возможны такие же быстрые поведенческие реакции населения на разного рода ужесточения или «смягчения» политической ситуации

в стране), но может оставаться и на прежнем уровне (например, при «надежной работе» традиционно-харизматической формы легитимации), обозначая, конечно же, ряд проблемных (особенно для научного обсуждения и понимания специфики существующего курса) моментов, включающих идеологическую природу власти, вектора ее воздействия, но самое главное – общую стратегию национального государственно-правового развития (например, чего стоят прогнозы по «воссозданию» СССР и т.п.);

во-вторых, новые акторы и актанты, включенные в систему властных отношений [1, 109–134] (онлайн сообщества, автоматизированные цифровые алгоритмы, алгоритмические экспертные системы и др.), безусловно, оказывают влияние на содержание и, самое главное, точность политических, связанных с ними правовых, социально-экономических прогнозов и, очевидно, способны (либо не способны) повлиять на «боязнь неизвестности» конкретного (ментально определенного) социума, а также повлиять на степень удаленности (уровень «перспективности») «жизненных ориентаций» большинства населения. Авторитет этих новых актантов политического действия, вне всяких сомнений, растет, хотя «прочной» основой для укрепления доверия общества к государственным институтам он все же станет примерно через несколько поколений;

в-третьих, формы и проявления политического и правового сознания в условиях цифрового транзита также изменяются, «натываясь» при этом на присущую им исторически ментальную укорененность, а «цифровые» методы манипуляции ими, точнее, их эффективность, проверяются в национально-ментальном поле, в частности с позиции их применимости в отношении трансформации ценностей, норм и отношений, присутствующих в системе властной коммуникации.

Долговременная вирусная пандемия (COVID-19) и современная геополитическая напряжённость, которая выражается в целом многообразии локальных конфликтов (действующих и латентных), обозначили ключевой инструмен-

тарий и общий вектор глобальной трансформации существующего миропорядка, международной экономической, правовой, политической систем. Данный вектор условно можно представить в качестве, с одной стороны, специфической конфигурации форм и контекстов человеческой жизнедеятельности, а с другой – ключевых акторов и инструментов, задействованных в этой глобальной трансформации.

В первом случае речь идёт о специфических измерениях (реальностях), в которых разворачивается общественная жизнедеятельность, а также об особом режиме взаимодействия (приоритеты, напряжения, конфликты) между ними. Поясним данное обстоятельство. Традиционно человеческая жизнедеятельность разворачивалась в природном, биологическом и социокультурном измерениях. Очевидно, что, начиная с эпохи Нового времени (новая историческая ситуация и парадигма научно-технического развития), доминирующей реальностью, которая подчинила себе все иные измерения и поставила «их на службу человека»¹⁴ стала ис-

¹⁴ Кавычки в данном случае поставлены не случайно, поскольку призваны подчеркнуть иллюзорность представления о технологическом подчинении человеком природы, где в ходе прогресса человек посредством совершенствования науки и техники сможет поставить под контроль и управлять физическими, биологическими и другими процессами. В XX в. эта иллюзия развеялась, пришло осознание угрозы того, «что природа в свою очередь в неведомой ранее степени подчиняет себе человека» (К. Ясперс), а технологическое развитие повышает напряжение между социокультурной (искусственной) и природной (естественной) средой, увеличивая риски кризиса самой техники и разрушения первой под воздействием второй. В настоящее время мы становимся свидетелями развития так называемых «виталиских режимов» функционирования общественно-политических институтов, при которых доминирующим фактором и основополагающей проблематикой выступают не только общественные или групповые интересы, а также факторы биологического характера (например, пандемия COVID-19), где вопросы противодействия «вирусным стратегиям», экологическим угрозам, техногенным вызовам становятся ключевыми в политической повестке дня, оттесняя иные проблематики – социально-экономические, культурные и проч.

кусственно сформированная в рамках человеческого взаимодействия – социокультурная реальность. Принципиальность современного (или постсовременного) исторического контекста, как известно, в том, что формируется новое, относительно автономное измерение человеческой жизнедеятельности – цифровая реальность, которая становится одним из доминирующих условий и контекстов человеческого существования, используя ресурсы и возможности остальных. Например, информация, образы, символы, повседневная практика (социокультурная реальность) используются для совершенствования машинного обучения, создания цифровых продуктов, развития электронных сетей и т.п.; траектории развития и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), иных вирусов и инфекций (биологическая реальность)¹⁵ применяются для моделирования специфических треков развития цифровых технологий, для алгоритмического распознавания и дифференциации разнообразных социальных процессов; природные явления, развитие животного мира, климатические изменения и т.п. уже давно осмысляются и описываются через алгоритмические процедуры и компьютерное прогнозирование.

Во втором случае речь идёт о новых глобальных акторах, которые продвигают инновационные проекты социально-технологического устройства, форм и порядка организации человеческой жизнедеятельности, а также конструируют соответствующие последним режимы функционирования цифровых технологий, обеспечивающих данный переход.

¹⁵ Например, Юджин Такер в ряде своих работ показывает, как цифровой дискурс стал доминирующим в описании, моделировании и прогнозировании социально-экономических, политических и иных процессов. Так, через «поведение компьютеров» можно обосновать развитие современной эпидемиологической ситуации, а «инфекционные заболевания могут быть поняты через призму математики, статистики и информатики» и наоборот. Современный политический дискурс достаточно часто сегодня обосновывает новые практики, легитимирует государственные решения через инженерный словарь и информационно-сетевую терминологию.

В качестве глобальных акторов сегодня выступают новые «элитарные альянсы»¹⁶ между:

– политической и цифровой элитами, которые начали формироваться в рамках государственно-частного партнёрства в сфере инновационного технологического развития властно-управленческой деятельности и модернизации военно-промышленного комплекса;

– IT-корпорациями, ориентированными на создание альтернативных государству виртуальных пространств общественно-политического взаимодействия, которые начали своё восхождение с интерактивных площадок и сервисов, представляющих на альтернативной основе публичные и частные услуги пользователям, а сегодня перешли в режим конструирования внегосударственного, глобального цифрового пространства (метавселенной);

– инжиниринговыми центрами, сформировавшимися на базе ведущих университетов (например, Массачусетский технологический университет) и ведущих технологических

¹⁶ Понятием *элитарные альянсы* мы будем обозначать новых консолидированных общественно-политических акторов, которые формируются в публичном и скрытом (теневое пространство отношений/договоренностей, которые складываются за рамками общественного, государственного и международного контроля) пространствах взаимодействия. Данные акторы представляют собой: *во-первых*, стратегические альянсы, т.е. союзы двух и более как традиционных субъектов политики (регионального или национального уровней), так и консолидированных субъектов глобальной политики (глобальный уровень транснациональных элит), ориентированных на достижения стратегических целей; *во-вторых*, договорные властно-инжиниринговые и социально-технологические союзы, часто достаточно мобильные и переструктурирующиеся, между традиционной финансовой, промышленной, политической элитой и новыми влиятельными игроками – ведущими специалистами в социальном (поведенческом) инжиниринге, технологическими стратегами, руководителями IT-корпораций и техногигантов. Здесь элитарные соглашения преимущественно связаны с проектированием образа будущего, его продвижением, легитимацией и реализацией (например, стейкхолдерский капитализм К. Шваба или проекты альтернативных метавселенных главы Майкрософт Стэвва Наделла, Фейсбук Марка Цукенберга и др.).

лабораторий (например, исследовательские центры Силиконовой долины США), которые стали влиятельными относительно независимыми акторами, осуществляющие прогнозирование и проектирование развития социальных и технологических систем, разрабатывающие сценарии «связки человека и машины», осуществляющие настройку и управление виртуальными массами и интерактивными коммуникациями, играющие решающую роль «в разработке конкретных планов вмешательства» в социально-сетевое взаимодействие и с точностью предсказывающие результаты последнего для экономических, политических и других заинтересованных субъектов [3, с. 19].

Кроме того, в качестве новых специфических акторов в современном общественно-политическом пространстве выделяются и так называемые цифровые агрегаторы, цифровые актанты (действующие автономные цифровые сущности). Посредством цифровых агрегаторов реализуется все больше и чаще определяющее социально-технологическое воздействие в мягких или более жестких формах, меняющих режимы и практики публично-властной коммуникации. Действие последних формируют цифровой контекст и симулятивные условия развития публично-властных отношений, порождая новые социально-технологические смыслы, образы, дискурсы.

Например, отчетливо прослеживаются специфические лингвистические и смысловые формы легитимации различных политических решений, которые апеллируют не к социальным ожиданиям, потребностям, демократическому характеру и проч., а к дискурсу технологичности, продвинутости, комфорта, удобства, интерактивности и т.д. При этом приоритеты развития цифровых технологий и сетей, их кибербезопасности и энергообеспечения становятся ведущими в публичном дискурсе, оттесняя многие традиционные индикаторы общественно-политической динамики, а по заключению многих экспертов, вообще формируют новую ценностно-нормативную систему, в которой домини-

рующее положение занимают «потребности систем», а «со-размерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерилami ценности» [49].

В современной общественно-политической реальности уже очевиден масштаб социально-политического влияния социально-технологических акторов и инновационных инструментов на жизнедеятельность общества. Например, такие глобальные корпорации как Google, Microsoft, Facebook, Apple и др., являются крупнейшими политическими лоббистами, потеснив с этих позиций естественных (энергетических) монополий, торговых и промышленных гигантов [50], существенно влияют на законодательные приоритеты, направления государственной политики и политическую повестку дня [50]. Данные корпорации самые активные и в продвижении своего влияния через академические сообщества, аналитические центры и экспертное сообщество, через неправительственные организации, военно-промышленный комплекс, торговые и разнообразные отраслевые и профессиональные ассоциации [52].

Их влияние особенно возросло при расширении практики использования цифровых технологий в прогнозировании и моделировании разнообразных социальных процессов, в применении алгоритмических и экспертных систем в реальном управленческом процессе, в расширении инструментария, определяющего (властного) воздействия на поведение, политическую идентификацию и мобилизацию, в принятии публично значимых решений. Например, эксперты фиксируют влияние: поведенческих прогнозов на исходы Brexit [53, 54]; таргетированной новостной ленты и рекламы на выборах (например, выборы в США 2016 [55]); автономных цифровых ботов на принятие законодательных решений или формирование правотворческих новел [56] и т.д.

В период пандемии резко возросли лоббистские практики техногигантов, особенно в контексте фискальной и стимулирующей политики государства, в определении ключевых сфер и направлений инновационного развития. В свою

очередь, расширение цифрового инструментария и информационных форм влияния сегодня ведёт к существенному повышению того, что мы называем *информационным шумом* и *профильной реконfigurацией* отношений, которые обуславливают процессы информационной перегрузки общественно-политического пространства и его качественной трансформации.

Так, согласно отчету международной Организации экономического сотрудничества и развития (ОЕСД), стремительное развитие цифровых инструментов не способствует (вопреки общественным ожиданиям) быстрому развитию транспарентного режима функционирования различных институтов и интерактивному участию граждан в реализации власти и контроля за результатами её деятельности. Это связано с тем, что интенсивное развитие интерактивных форм и средств порождает существенную перегрузку цифрового пространства, которая снижает эффективность как традиционных, так и инновационных форм гражданского участия. Примерами такой перегрузки выступает процесс, в котором миллионы людей, часто плохо информированных, пытаются влиять на общественное мнение и правительства с помощью таких средств, как социальные сети или процесс распространения «избыточного потока информации и данных, которые существенно снижают какую-либо значимую активность, позицию, мнение» [57].

Эффект «профильной реконfigurации» социальной коммуникации мы характеризуем как изменение «смысловой матрицы» в публичной политике, при котором происходит смена одного из ключевых концептов «социального актора» и его общественно-политической активности на концепт «пользователя сети» и его «индивидуализированную профильную динамику»¹⁷. Социальная активность по-

¹⁷ От UPI – индивидуализированный профиль пользователя, элементы и характеристики которого становятся более значимыми для общественной динамики, политической коммуникации, властных отношений, чем традиционные социальная позиция, общественные ожидания, социокультурные интересы и потребности.

степенно сменяется профильной динамикой, которая измеряется не классическими социологическими методиками, а цифровыми инструментариями (сбор цифровых следов, маркеров и иной сетевой активности). При этом приоритет смещается с политических эффектов от тех или иных событий и процессов в традиционной политической реальности в сторону *данных и сетевой активности* в цифровом пространстве. Очевидно, что последние существенно изменяют устойчивые модели отношений в системе личность – общество – государство, а также порождают новые типы взаимодействия, новые отношения, институты и т.д.

В условиях нестабильности доверие к государственным институтам является ключевым фактором легитимации и властным ресурсом, необходимым для эффективного государственного управления. Непрерывное изменение и усложнение цифровой среды приводит к тому, что постоянно меняются условия взаимодействия государства и населения, что обуславливает формирование общественного согласия и влияет на доверие к государственным институтам.

Говоря о проблемах современной государственности, нельзя не обратить внимание на такой феномен, как доверие, который сегодня становится одним из ключевых. Дефицит доверия – одна из важнейших проблем политико-правовой сферы России. Формирование доверия к властным институтам является важной стратегической задачей в современных условиях кризисов и нестабильности. Его наличие в полной и очевидной мере подтверждает легитимность и легальность власти, что, в свою очередь, является необходимым условием для осуществления эффективного управления на разных уровнях. В целом доверие – это важный элемент нормальной жизнедеятельности и воспроизводства общества [58].

Под доверием в политике и в системе политического управления принято понимать оценку соотношения ожиданий тех или иных действий (решений) группы людей (власти) с их реальными действиями. При этом необходимо вы-

делить две составляющие доверия: объективную (рациональную) и эмоциональную. К рациональной составляющей относится реальная способность и возможность совершить то или иное ожидаемое действие, так называемая «политическая воля», а к эмоциональной составляющей – оценка этого действия (решения) [59].

Доверие – сложное, многомерное явление, однако современная наука занимается его измерением. Доверие к власти называют феноменом институционального доверия, в котором концентрируются элементы взаимодействия власти и населения, а уровень доверия к власти является одним из основных показателей оценки эффективности деятельности этой власти. Всё это находит отражение в законодательных актах и влияет на принятие политических решений в стране. Так, с 2019 г. действует Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Данный Указ предлагает 15 критериев, которые ложатся в основу оценки. Первым критерием обозначен именно уровень доверия к власти. Данный показатель является одним из ключевых, так как демонстрирует устойчивость государства и его органов.

Наличие доверия наделяет власть более значительными ресурсами для принятия и реализации тех или иных политических решений. Доверие напрямую включено в механизм легитимации власти; оно формирует социальную базу поддержания властных институтов и осуществляемого ими экономического или политического курса.

Современное политико-правовое пространство меняется достаточно стремительно под влиянием развития самого общества, новых технологий, средств коммуникации и т.д. Здесь нельзя не отметить, что значительное воздействие оказывает процесс цифровизации, который приобрел сегодня поистине глобальные масштабы.

В контексте формирования общественного согласия и в целом доверия населения к властным институтам необходимо обратить внимание на следующие аспекты:

1. Высокая степень использования цифровых инструментов в политико-правовой сфере и государственном управлении, причем не только в отношении власть – общество, но и при взаимодействии властных структур между собой.

2. В целом высокий уровень цифровой активности населения. В начале 2022 г. число пользователей Интернета в мире увеличилось до 4,95 млрд, что составляет 62,5 % от общей численности населения мира, и за последний год выросло на 192 млн (+4,0%), из них 4,62 млрд человек пользуются социальными сетями [60]. Это свидетельствует об утрате прежней роли так называемых «традиционных» (при этом всё еще активно используемых государством) средств массовой информации (прессы, радио и телевидения). В настоящее время основным инструментом коммуникации становятся социальные сети и Интернет, которые предлагают всевозможные точки зрения на события политической среды. Становится очевидно, что влияние и контроль инфополя является значительным ресурсом для власти, так как тот, в чьих руках сосредоточится этот контроль, получает неоспоримые преимущества на политической арене. Скорость передачи информации, ее объемы и количество конечных потребителей свидетельствуют об огромных масштабах потенциальной сферы влияния и, как следствие, возможностей манипулирования настроением и мнением общества.

В результате постоянно меняются условия взаимодействия дихотомии власть – общество, что обуславливает формирование общественного согласия и влияет на доверие к публичным структурам и государству в целом.

Само понятие «цифровизация» стало всё чаще встречаться в современных исследованиях представителей различных научных направлений, отсюда и различные подходы к пониманию данного современного явления. Это обу-

словлено как непрекращающимся развитием этого процесса и его составляющих (появление новых цифровых технологий), всё более глобальным расширением сфер, которые охватывает и в которые проникает цифровизация, так и разноплановостью и сложностью самого явления.

Можно встретить достаточно узкий подход, когда термин «цифровизация» определяется как переход информационного поля на цифровые технологии; используется для обозначения конкретного акта перевода определенной информации из аналогового формата в цифровой [61]. Другой подход предполагает, что цифровизацию можно понимать как совокупность современных инструментов и процессов, являющихся качественно новым этапом развития информационных и телекоммуникационных технологий, трансформирующих все сферы современной общественной жизни [62]. В наиболее широком смысле цифровизация интерпретируется не просто как процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы человеческой деятельности, но и как повышение роли этих технологий в жизни общества, переход общества на качественно новый уровень их использования и, самое главное, как изменение самой ценности этих технологий. Последнее предполагает переосмысление соотношения в тандеме «человек – машина» в сторону доминирования именно машины (робота), которая все чаще рассматривается как потенциально превосходящая человека в будущем по многим параметрам (что очень спорно) и обладающая искусственным интеллектом. В соответствии с таким подходом цифровизация есть глобальный процесс, существенно меняющий устоявшиеся черты социума [63].

Подобное значительное влияние цифровизации на ключевые сферы общественной жизни (и в частности, политико-правовую) свидетельствует о том, что политические акторы погружены и действуют не только в реальном мире и пространстве, но и в новом, нетипичном пространстве, являющемся порождением процессов цифровизации.

Все указанные явления, процессы и тенденции кардинально меняют условия политико-правовой среды и взаимодействия власти и общества, что специфическим образом сказывается на формировании доверия к власти.

С каждым днем всё большее количество пользователей включается в цифровую политическую среду, получая альтернативный контент. Открытость и общедоступность, с одной стороны, и изобилие информации, а порой диаметрально противоположные оценки и толкования политической действительности, с другой стороны, влияют на политические убеждения, взгляды и политическое участие граждан, координацию действий политических акторов.

Здесь появляется один из факторов, тормозящий формирование доверия между населением и институтами власти в условиях цифровизации. Проблема в том, что переизбыток информации породил такие явления, как фейки, постправду и информационный шум. По своей природе они представляют хаотичную смесь правдивой и ложной информации из так называемых фейковых (поддельных) источников, при этом потребитель перестает распознавать информацию, в результате чего утрачивает способность достоверно понимать происходящие политические, социальные и экономические процессы, адекватно реагировать на них и в конечном счете принимать правильные решения в отношении доверия. Однако фейки и информационные шумы повсеместно используются, чтобы создать необходимое понимание того или иного процесса или решения.

Еще одна новая возможность, которую привнесла цифровизация, – отслеживание инфополя и цифровых следов. Искусственный интеллект и нейронные сети позволяют осуществлять мониторинг общественных настроений, контента, в том числе общественных реакций на вышеупомянутые фейки и информационные «вбросы». Причем граждане также имеют возможность отслеживать политический курс, результат, принятых политических решений – так называемый гражданский мониторинг.

Интересно, что эти же технологии могут способствовать формированию установок и политических убеждений и даже влиять на поведение электората и процесс голосования. Одним из ярких примеров является скандал с данными Facebook и Cambridge Analytica. Персональные данные, принадлежащие миллионам пользователей Facebook, были собраны без их согласия британской консалтинговой фирмой Cambridge Analytica, затем проанализированы при помощи технологий. Эти данные использовались для оказания аналитической помощи президентским кампаниям на выборах 2016 г. в США, а также для предоставления пользователям определенной политической рекламы, что, как предполагается, оказало влияние на итоги выборов. Проблема защиты данных в контексте диалога с гражданами и противодействия растущему недоверию правительству приобретает особое значение. Всё чаще можно слышать об «утечке данных», несанкционированном доступе и всевозможных кибератаках.

С другой стороны, те же самые инструменты, искусственный интеллект и другие цифровые технологии могут способствовать укреплению доверия граждан.

Во-первых, предоставление доступа к услугам и государственным сервисам с помощью прозрачных и простых в использовании технологий может критически повысить доверие между гражданами и правительством за счет понятности, открытости, скорости предоставления услуг. Тем не менее доверие к онлайн-сервисам в значительной степени зависит от нескольких факторов, включая доверие граждан к самому правительству, качество онлайн-сервисов и личное мнение (например, все еще существует большое количество граждан, которые предпочитают бумажные заявления и офлайн-формат, а не веб-сервисы) [64].

Во-вторых, введение так называемого «цифрового усмотрения» (т.е. применение систем искусственного интеллекта и других технологий, влияющих или заменяющих профессиональные суждения государственных служащих

[65]), особенно в деятельности чиновников младшего звена, способно потенциально сократить несправедливое, неэффективное или искаженное предоставление государственных услуг. Такой подход позволяет в режиме реального времени достаточно гибко, но в рамках правовых норм реагировать на запрос граждан, что уменьшает произвол на местах и разрозненность, способствует единообразию принимаемых решений. Исследователями отмечается, что внедрение подобных цифровых инициатив помогает снизить уровень коррупции среди государственных служащих [66]. Всё это в конечном счете может потенциально повысить доверие граждан к власти.

Таким образом, процесс цифровизации накладывает серьезный отпечаток на взаимоотношения власти и населения. Необходимо более активное использование цифрового пространства социальных сетей и Интернета не только как способа доводить информацию, уведомлять население о политических решениях и фактах, происходящих в социально-политическом пространстве, но и как интерактивного инструмента для получения обратной связи и вовлечения граждан в обсуждение принимаемых решений. Необходимо комплексно работать над открытостью власти и ее институтов, начиная с принятия управленческих решений, от имеющихся альтернатив при их принятии до результатов и ошибок при их реализации. Информированность населения страны об этих процессах означает их вовлеченность в эти процессы, а следовательно, формируется лояльность, которая ложится в основу становления доверия.

Следует внедрять цифровые технологии в государственное управление, однако делать это продуманно и осторожно, определив сферы, где их использование будет наиболее адекватно потребностям (например, предоставление государственных услуг), с одной стороны, и безопасно с точки зрения конфиденциальности и охраны персональных данных, с другой. В целом сложно сейчас однозначно определить, является ли цифровизация однозначным благом, од-

нако отрицать её влияние не представляется возможным. Конечно, существуют определенные риски, связанные с этим явлением, однако при грамотном подходе и разумном использовании цифровые технологии могут способствовать укреплению доверия граждан.

1.4. Направления государственной политики и разновидности правового регулирования в контексте повышения доверия к государственным институтам в условиях цифровой трансформации общества

Мамычев Алексей Юрьевич

Мордовцев Андрей Юрьевич

Матюк Юлия Сергеевна

Ким Александр Алексеевич

Уханов Антон Дмитриевич

В настоящий момент можно выделить три ключевых сценария государственной политики в сфере цифровой трансформации общественно-политических отношений.

Первый сценарий связан с полной суверенизацией цифрового пространства, строгими доктринально-правовыми рамками и системой нормативно-правового регулирования процессов разработки, внедрения и эксплуатации автономных систем и цифровых технологий в общественно-политическом процессе. Предполагается формирование «жестких» рамок правовой политики государства в отношении техногигантов и иных цифровых корпоративных структур, а также создание механизмов (правовых режимов, технических стандартов, этических кодексов и проч.), нормирующих деятельность в национальном цифровом пространстве глобальных цифровых платформ и сервисов.

Данный сценарий позволяет обеспечивать стабильность и легитимность действующего политического режима, устойчивость развития общественно-политического процесса,

эффективно осуществлять мониторинг и управление цифровой коммуникацией граждан и их организаций, иметь возможность влиять на функционирование реальных и виртуальных взаимодействий, а также обеспечивать доминирование национальных цифровых сервисов и платформ (подобная политика реализуется в Китайской Народной Республике, а также в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона) социальной жизнедеятельности.

Второй сценарий предполагает снижение социальной роли и значения института государства в цифровую эпоху развития общественно-политических процессов, минимальное государственно-властное воздействие на процессы цифровой трансформации политических институтов и режимов. Нормативно-правовое регулирование в рамках данного сценария имеет инструментальный характер, т.е. ориентировано, прежде всего, на разрешение возможных противоречий и конфликтов в общественно-политической среде. Здесь доминируют режимы самоограничения и самоконтроля в функционировании цифровых платформ и виртуальных интеракций. При этом ведущую роль в социальном и технологическом развитии играют цифровые корпоративные структуры и новые политические альянсы (между цифровой, финансовой и политической элитой), которые определяют ключевые направления, принципы и формы развития социально-технологических систем в XXI в. Данный сценарий ориентирован на формирование подвижных (мобильно изменяющихся) и адаптивных (к технологическим изменениям) этических стандартов, регламентирующих развитие цифрового пространства и практик взаимодействия (такой сценарий идеологически обосновывается и лоббируется на законодательном уровне техногигантами в рамках англосаксонской цивилизации).

Третий сценарий условно следует обозначить как конвергентный (гибридный). Он ориентирован на формирование «гибридной» социально-технологической политики государства, которая реализуется во взаимодействии государ-

ственных органов, крупных технокорпораций и гражданских структур. С одной стороны, государственная власть обладает соответствующим арсеналом политико-правового воздействия на общественные отношения, легальностью и легитимностью для управления общественными процессами и формирования общеобязательной технологической политики. С другой стороны, технологические корпорации имеют соответствующие компетенции в сфере цифровой трансформации общества, развитую цифровую инфраструктуру, специалистов и современные технологические решения.

Гражданские традиционные и сетевые структуры воспроизводят национально-культурные доминанты общественной системы и социально-политическое доверие, без которых не может существовать государство, а также обеспечивают своим функционированием развитие социально-технологических систем и их адаптацию в обществе. Причем в рамках взаимодействия с данными корпорациями и гражданскими структурами государство получает возможность сформировать эффективную технологическую политику, адекватную сложным и разнообразным процессам цифровой трансформации общества [67]. Последнее придает правовой политике государства не только необходимую сложность, но и позволяет сочетать технологическое развитие с обеспечением национальной безопасности, общественной целостности и суверенитета.

Данный сценарий, так же, как и первый, скептически относится к различным формам этической саморегуляции и практик добровольной социальной ответственности технокорпоративных структур и глобальных IT-корпораций, поскольку, как показывает практика, последние используют их в качестве технологий легитимации своего функционирования, социального оправдания результатов своей деятельности. Сегодня единственным ограничением в функционировании цифровых платформ выступает то, что «может отпугнуть пользователя, потому что может привлечь внимание регулирующих органов. Это означает, что любые

усилия по ‘модерации контента’ следует рассматривать как защитные меры, а не как проявление социальной ответственности» [4, с. 653].

В свою очередь, если обобщить существующие подходы к доктринально-правовому, нормативно-правовому и этическому регулированию процессов цифровизации общественно-политической жизнедеятельности, то можно выделить пять основных типов регуляторных политик, которые применяются сегодня во внутригосударственной политике или на международной арене. Следует отметить, что в каждом конкретном случае в рамках той или иной политико-правовой организации общества может использоваться смешанный вариант, сочетающий различные регуляторные практики.

1. *Инструментальное регламентирование* процессов внедрения и эксплуатации цифровых технологий в общественно-политической сфере. Нормативно-правовое регулирование реализуется только после того, когда сформируются новые виды общественного взаимодействия, их устойчивые признаки и характеристики¹⁸. Правовая политика государства ориентируется на регламентацию, прежде всего, сложившихся в ходе цифрового взаимодействия обществен-

¹⁸ Такая регуляторная практика, например, закреплена в стратегической Программе «Цифровая экономика РФ», где правовое регулирование подтягивается к потребностям и задачам цифровой трансформации социально-экономической системы общества, сводя правовое регулирование и властно-управленческую деятельность к сугубо инструментальной функции, к догоняющей модели политико-правового обеспечения цифрового технологического развития. Справедливо в этом плане пишет Фрэнк Паскуале: «позиция ‘подождем – посмотрим’ игнорирует то, что технология, не будучи ни в коем смысле независимой от ценностей, сама начинает их формировать». См.: Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. «Запаздывающее» правовое регулирование и «отложенный» общественно-политический контроль за развитием цифровых технологий как доминирующие регуляторные практики могут привести к серьезным и непоправимым угрозам государственно-правовому развитию.

ных отношений, придавая им позитивную стабильность путем формирования должной нормативной модели. В рамках этой регуляторной политики, как правило, государство реализует санкционированное правотворчество, признавая или отвергая сложившиеся в обществе типы и модели взаимодействия в цифровой среде, подкрепляя положительные практики государственно-принудительным характером, нормативно стимулируя позитивные формы развития и эксплуатации цифровых технологий, блокируя негативные или общественно опасные.

2. *Формирование типичных (регуляторных) моделей общественно-политических отношений*, реализуемых с использованием цифровых технологий. В рамках данной политики превалирует позитивистская (формально-юридическая) установка на создание государством общеобязательных нормативно-правовых моделей, которые учитывают интересы государства и общества, а регламентация новых отношений и технологических процессов реализуется по аналогии с действующими общими и отраслевыми правовыми принципами, традиционными нормативными моделями (запрета, обязывания, дозволения) и правовыми инструментами стимулирования развития должного формата отношений (рекомендации, поощрения).

3. *Общее регулирование общественно-политических отношений* посредством установления доктринально-правовых принципов и рамок, этических стандартов, деонтологических требований, профессиональных кодексов и т.п. В рамках данной регуляторной политики государство ориентировано на опережающее правотворчество, формирование, прежде всего, рамок и стандартов для развивающихся и неустоявшихся общественных отношений, в которых невозможно выделить типичные характеристики и сложившиеся формы взаимодействия, поскольку последние постоянно изменяются и переструктурируются. В этом плане государство формируют общие «правовые рамки» и «нравственно-этические барьеры» для развития и институ-

ционализации отношений, инициируемых или опосредованных современными цифровыми технологиями.

Например, Фрэнк Паскуале обосновывает то, что в силу сложности как самих роботизированных технологий, так и процессов цифровизации различных сфер жизнедеятельности общества государственное регулирование должно устанавливать, прежде всего, общие принципы регулирования. В законах «должны определяться общие принципы, тогда как конкретные права должны предоставляться специальным регулирующим ведомствам, обладающим значительным опытом в технических сферах» [68, с. 16]. Кроме того, важнейшим элементом общественно-политического кодирования технологического развития должно стать развитие опережающего правотворчества, формирующего допустимые рамки цифровых изменений в обществе. Здесь «прогностическая этика может определять проектирование технологий и влиять на них» [Там же], а ценностное нормирование поэтапно встраивается в технологическое проектирование сложных цифровых систем.

4. Создание принципиально новых *социально-технологических норм и конвергентных (смешанных/гибридных) правовых режимов* регулирования отношений, основанных на использовании цифровых технологий. Политика государства ориентирована здесь на формирование новых институтов и нормативных комплексов, сочетающих как потенциал социально-нормативных систем (морали, традиций, обычаев и т.д.), характеристики и закономерности развития общественных отношений, так и технологические стандарты, требования, а также принципы и траектории развития сложных технологических систем современности. Здесь требования безопасного развития цифровых технологий, систем искусственного интеллекта сочетаются с требованиями защиты прав и свобод граждан. При этом важнейшим направлением государственной политики является гармонизация последних. Если в XX в. главным в правовой политике была гармонизация интересов и потребностей личности, общества и государства, то в рамках XXI в. в комплексной

политике национальных интересов – гармонизация не только потребностей и интересов данной триады, но и требований и потребностей развития технологических систем, их безопасности, приоритетов машинного обучения и проч.

5. *Алгоритмический мониторинг и машинное регулирование* цифрового взаимодействия (машинное право, алгоритмические требования и стандарты и т.д.). В данном направлении политики следует выделить две главные сферы.

В первой сфере утверждается невозможность социально-нормативного контроля и правового регулирования сложных систем машинного обучения (нейросетей, генетических алгоритмов и проч.), которые обучаются и функционируют автономно, поскольку человек не обладает соответствующими инструментариями и не может не только проследить процесс принятия машинных решений, но и спрогнозировать последствия алгоритмической деятельности. Поэтому в качестве ключевого регулятора государством совместно с технологическими корпорациями разрабатываются «нормативные алгоритмические комплексы», которые призваны осуществлять мониторинг, собирать информацию о принципах функционирования и принятия решений тех или иных сложных систем (например, систем искусственного интеллекта), сигнализировать о сбоях, формировании «машинных предубеждений» и проч.

Так, в ЕС политики и юристы активно обосновывают необходимость, с одной стороны, режима открытости (транспарентности) процессов проектирования и разработки роботизированных технологий и сложных алгоритмических систем, а с другой – обеспечения большей прозрачности в процессе функционирования данных систем и технологий. Более того, фиксируется постепенное оформление нового политико-правового института – «право на объяснение», которое представляет возможность личности, заинтересованным группам и обществу не только реализовывать общественно-политический контроль за развитием цифровых технологий, но и получать полную информацию о принци-

пах работы, о том, на каких данных и в каких средах осуществлялось машинное обучение и т.п.¹⁹

Вторая сфера характеризуется системой машинного нормирования: функционирование социально-технологических, этических, правовых и других норм и стандартов обеспечивается автоматизированными алгоритмическими системами. Данные социально-технологические системы уже сейчас эффективно используют автоматически реализуемые негативные и позитивные последствия по отношению к своим пользователям, мгновенно формируя приемлемые или требуемые модели цифрового взаимодействия в виртуальном пространстве (например, автоматическая блокировка каких-либо прав пользователя, возможности управления электромобилем, доступ к контенту, выходу в сеть и т.п.). При этом государство также формирует нормативно-технические режимы ограничения и запрета, которые автоматически корректируют процесс ориентированного машинного обучения, а также условия и среду, в которых машины обучаются: поскольку «некоторые роботы и алгоритмы в своем развитии отступят от идеалов, запрограммированных их собственниками, в результате взаимодействия с другими людьми или машинами,... то исходный создатель *обязан* встроить в них определенные ограничения на развитие кода, чтобы можно было записывать факторы влияния и в то же время предотвращать возникновение негативных результатов» [3, с. 31].

¹⁹ Доминируют главным образом две теоретико-практические позиции: *либеральный киберрежим* обосновывает то, что «искусственные интеллекты должны обладать ‘свободой мысли’, подразумевающей обработку любых данных, которые они только могут найти или которые их собственники решают им ‘скормить’». См.: Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information*. Cambridge, 2015. P. 45. *Социально-ориентированный киберрежим* исходит из того, что машинное обучение должно основываться на жестко отобранном материале и под контролем экспертных сообществ (медиков, юристов, политологов и т.д.), которые могли бы не только контролировать данный процесс, но главное – вносить коррективы и изменения.

Библиографический список

1. Кочетков, А.П. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики / А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – № 1.
2. Володенков, С.В. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации / С.В. Володенков, Ю.Д. Артамонова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53.
3. Пентленд, А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки / А. Пентленд. – Москва, 2018.
4. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – Москва, 2022. С. 661–663.
5. Брайдогги, Р. Постчеловек / Р. Брайдогги. – Москва, 2021.
6. Шамаю, Г. Теория дрона / Г. Шамаю. – Москва, 2020.
7. Берарди, Ф. Душа за работой: От отчуждения к автономии / Ф. Берарди. – Москва, 2019.
8. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – Москва, 2020.
9. Перзановски, А. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике / А. Перзановски, Дж. Шульц. – Москва, 2019.
10. Фуко, М. Рождение биополитики: курс лекций / М. Фуко. – Санкт-Петербург, 2010. – 448 с.
11. Хунжуй, Ч. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности / Ч. Хунжуй. – Москва; Санкт-Петербург, 2020. – С. 73, 74.
12. Рябов, А.В. Легальность и легитимность власти («круглый стол» в МГУ) / А.В. Рябов // Политические исследования. – 1994. – № 2. – С. 187, 188.
13. Косарев, А.И. Великая модернизация глобализма / А.И. Косарев. – Москва, 2004.
14. Бляхер, Л.Е. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры / Л.Е. Бляхер // Политические исследования. – 2003. – № 1.
15. Тихонова, Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.

16. Любашиц, В.Я. Государственная власть: Введение в общую теорию / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 169.
17. Бачинин, В.А. Философия права: краткий словарь / В.А. Бачинин, В.П. Сальников. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 162.
18. Исаев, И.А. История государства и права России / И.А. Исаев. – Москва: Юрист, 2003.
19. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва, 1999.
20. Фуко, М. Политическая технология индивидов / М. Фуко. – Москва, год.
21. Вопленко, Н.Н. Законность и легитимность / Н.Н. Вопленко // Новая правовая мысль. – 2004. – № 1. – С. 13.
22. Хантингтон, С. Третья волна. Демократия в конце XX века / С. Хантингтон. – Москва, 2003. – С. 57.
23. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – Москва, 2002. – С. 151.
24. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва, 1998. – С. 17.
25. Дибиров, А.-Н.З. Теория политической легитимности / А.-Н.З. Дибиров. – Москва, 2007. – С. 25.
26. Чиркин, В.Е. Легализация и легитимация государственной власти / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1995. – № 8.
27. Турсункулов, А.Б. Национально-культурная легитимация и легализация институтов российской государственной власти: автореф. ... канд. юрид. наук / Турсункулов А.Б. – Ростов-на-Дону, 2006.
28. Lipset, S.M. Political man / S.M. Lipset. – Baltimore, 1981. – P. 64.
29. Lira, J. Legitimacy of democracy and the socioeconomic system / J. Lira // Comparing pluralist democracies: Strains on legitimacy. – Boulder Westview, 1988. – P. 65.
30. Кожев, А. Понятие власти / А. Кожев. – Москва, 2006.
31. Филиппов, А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия / А.Ф. Филиппов // Политика. – 2002. – № 2. – С. 100.
32. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Москва, 1996. – С. 188–190.

33. Подорога, В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) / В.А. Подорога // Власть: очерки современной политической фи-лософии Запада. – Москва, 1989. – С. 220.
34. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё. – Москва, 1993. – С. 114.
35. Beetam, D. The Legitimizing of Power / D. Beetam. – N.Y., 1991.
36. Giddens, A. Goffman as Systematic Social Theorist / A. Giddens; Ervin Goffman: Exploring the Interaction Order. – Boston, 1988. – P. 276, 277.
37. Правокультурные основы исследования государственной власти: теоретико-методологические, историко-правовые и ценностно-нормативные аспекты: монография / Г.И. Авцинова [и др.]. – Москва, 2014.
38. Овчинников, А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: монография / А.И. Овчинников; науч. ред. П.П. Баранов; Ростов. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 285 с.
39. Достоевский, Ф.М. Пушкин / Ф.М. Достоевский // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. – Москва, 2002. – С. 187.
40. Бранский, В.П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии / В.П. Бранский. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 26.
41. Мордовцев, А.Ю. Российский правовой менталитет / А.Ю. Мордовцев, В.В. Попов. – Ростов-на-Дону, 2007.
42. Ракитянский, Н.М. Ментальные исследования глобальных политических миров / Н.М. Ракитянский. – Москва, 2020.
43. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография / Ю.Ю. Ветютнев, А.Ю. Мамычев, В.Я. Любашиц [и др.]. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 184 с.
44. Мамычев, А.Ю. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики: монография / А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев, А.И. Овчинников; М-во образования и науки Российской Федерации; Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 210 с.
45. Вундт, В. Элементы психологии истории. Основные черты психологической истории развития человечества / В. Вундт. – Санкт-Петербург, 1913.

46. Кондаков, И.В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк) / И.В. Кондаков. – Москва, 1994. – С. 23.
47. Hoppe, M.H. A Comparative Study of Country Elites / М.Н. Ноппе // Unpublished Ph.D. Dissertation. – University of North Carolina at Chapel Hill, 1990.
48. Урри, Дж. Как выглядит будущее / Дж. Урри. – Москва, 2018.
49. Гринфилд, А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / А. Гринфилд. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – С. 249.
50. Romm, T. Apple, Amazon, Facebook and Google spent nearly \$50 million – a record – to influence the U.S. government in 2017 / Т. Romm. – URL: <https://www.vox.com/2018/1/23/16919424/apple-amazon-facebook-google-uber-trump-white-house-lobbying-immigration-russia> (дата обращения: 10.08.2022).
51. Wheatly, M. Google led record-breaking tech industry lobbying blitz in 2018 / М. Wheatly. – URL: <https://siliconangle.com/2019/01/23/google-led-record-breaking-tech-industry-lobbying-blitz-2018/> (дата обращения: 10.08.2022).
52. Reklaitis, V. Facebook and Amazon set records in annual spending on Washington lobbying / V. Reklaitis. – URL: <https://www.marketwatch.com/story/facebook-and-amazon-set-records-in-annual-spending-on-washington-obbying-11611323639> (дата обращения: 10.08.2022).
53. Doward, J. Did Cambridge Analytica influence the Brexit vote and the US election? / J. Doward, A. Gibbs // The Guardian. – 2017. – 4 march. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/04/nigel-oakes-cambridge-analytica-what-role-brexit-trump>.
54. Hjelgaard, K. Cambridge Analytica active in elections, big data projects for years / K. Hjelgaard // USA TODAY. – 2018. – 22 march. – URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2018/03/22/cambridge-analytica-profile/437210002/> (дата обращения: 10.08.2022).
55. Lim, M. Cambridge Analytica Trump 2016 Presidential Election Digital Campaign Review / M. Lim // University of Southern California. – URL: https://www.researchgate.net/publication/339166269_Cambridge_Analytica_Trump_2016_Presidential_Election_Digital_Campaign_Review (дата обращения: 10.08.2022).

56. Уолш, Т. Время машин / Т. Уолш. – Москва: АСТ, 2019. – 320 с.
57. OECD. (2021), *Lobbying in the 21st Century: Transparency, Integrity and Access*, OECD Publishing, Paris. – URL:; <https://www.oecd.org/corruption/ethics/lobbying-21-century.htm> (дата обращения: 10.05.2022 г.).
58. Черницына, Е.Н. Политическое доверие: как его измерить? / Е.Н. Черницына // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 54. – С. 130–145.
59. Ветренко, И.А. Доверие как необходимое условие эффективного управления государством / И.А. Ветренко, В.А. Шамахов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. – Москва. № 7 (750). – С. 13–19.
60. Digital 2022: another year of bumper growth // We Are Social Inc. 2022. – URL: Jan-<https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/>
61. Трофимов, В.В. Конвергенция и дигитализация данных для цифровой экономики / В.В. Трофимов, Л.А. Трофимова // Технологическая перспектива в рамках евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста. – 2019. – С. 193, 194.
62. Юсупалиев, Д.Д. Понятие и сущность цифровизации правовых институтов / Д.Д. Юсупалиев // ORIENSS. – 2022. – № 5. – С. 892–902.
63. Гаджиев, Х.А. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции / Х.А. Гаджиев // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 147–171.
64. Al-Mushayt, O.S. Automating E-Government services with artificial intelligence / O.S. Al-Mushayt // IEEE Access. 2019. Vol. 7. P. 146821–146829. doi: 10.1109/ACCESS.2019.2946204
65. Busch, P.A. Digital Discretion: A systematic literature review of ICT and street-level discretion / P.A. Busch, H. Zinner Henriksen // Information Polity. – 2018. – Vol. 23(1). – P. 3–28. doi.org/10.3233/IP- 170050
66. Frolova, E.E. Consumer protection of digital financial services in Russia and abroad /E.E. Frolova, E.P. Ermakova, O.V. Protopopova // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Т. 1100. – P. 76–86.
67. Сморгунов, Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости / Л.В. Сморгунов // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 13–36.

68. Pasquale, F. The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. – P. 16.
69. Вебер, М. Хозяйство и общество. Ч. 1. Экономика, общественное устройство и власть. – Текст: электронный. – URL: http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/r_weber2.html.
70. Деланда, М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда. – Пермь: Гиле Пресс, 2018.
71. Дюверже, М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли / М. Дюверже. – Москва, 1997. Т. II. – 647 с.
72. Ионин, Л.Г. Понимающая социология / Л.Г. Ионин. – Москва, 1999. – 148 с.
73. Лазарев, М.В. Политическая лояльность / М.В. Лазарев // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 5.
74. Мамычев, А.Ю. Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий / А.Ю. Мамычев, Г.В. Петрук. – Владивосток, 2020.
75. Монтфорт, Н. Будущее: принципы и практики созидания / Н. Монтфорт. – Москва, 2021.
76. Панарин, А. К реконструкции «Второго мира». – Текст: электронный / А. Панарин. – URL: www.russ.ru/antolog/inoe/panar.htm (дата обращения: 07.11.2011).
77. Пивоваров, Ю.С. «Русская система» как попытка понимания русской истории / Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов // Политические исследования. – 2001. – № 4.
78. Пятигорский, А.М. Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций / А.М. Пятигорский. – Москва, 2007.
79. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – Москва, 2007.
80. Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик / Мишель Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О. Хархордина. – Санкт-Петербург; Москва, 2001.

Глава 2. МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТИПОЛОГИЯ РИСКОВ»

2.1. Риски снижения доверия к государственным институтам как отражение особенностей современного общественно-политического управления в условиях цифрового общества

Бондарь Полина Сергеевна

Вопрос доверия граждан к государственным институтам всегда стоял очень остро, так как от ответа на него зависит состояние стабильности всей политической системы в государстве. Ещё в древности управленцы стремились создать прочную основу своей власти самыми разными способами, в том числе через религию. Инструменты поддержания власти и риски её утраты напрямую зависят от общих условий, в которых происходят процессы управления, от контекста событий. Так, в настоящее время с переходом в новую цифровую эру общественно-политическое управление в очередной раз изменилось. С одной стороны, эти изменения открывают для его участников много невиданных раньше перспективных возможностей, но, с другой – они ставят государственные институты перед совершенно новыми рисками.

Как отмечал В.Г. Афанасьев [1], управление всегда является целеориентированным, поэтому для понимания рисков общественно-политического управления нам необходимо

чётко представлять, какие цели оно преследует. Так, к целям общественно-политического управления можно отнести изменение государственной политики в соответствии с вызовами внешней среды [5, с. 101, 102]. Через общественно-политическое управление достигается компромисс государства и общества, поддерживается стабильность в государстве. Посредством общественно-политического управления самые разные общественные группы преимущественно публично выражают свои интересы, указывают на минусы в существующем государственном управлении, пытаются добиться их скорейшего устранения, а также предлагают свои программы развития государства. Представителям государственной власти в свою очередь приходится корректировать свои программы, чтобы они были легитимизованы гражданским населением, одобрены представителями различных сетевых ассоциаций [6]. Бесспорно, неформальный элемент оказывает существенное влияние на проводимую в государстве политику, во многом и определяя её благодаря давлению на официальных представителей власти [7, с. 135–138]. В условиях цифрового общества соотношение публичных и латентных акторов является ещё более сложным и неоднозначным. С развитием цифровых технологий у общества появляется всё больше инструментов для воздействия на государство. Причём довольно часто случается, что негосударственные игроки имеют даже большее влияние в цифровых реалиях. К «инфлюенсерам» и негосударственным СМИ прислушиваются [8], порой граждане доверяют им даже больше, чем государственным источникам информации в Интернете [9], считая, что государство намеренно старается скрыть от населения важную информацию.

Стоит отметить, что неформальные игроки могут работать как на благо государства, на поддержание авторитета его институтов, так и ему во вред. Всё определяется интересами этих акторов и выгодами, которые они получают в случае принятия той или иной позиции [8, с. 135–138]. Здесь особенно примечателен феномен «политических сетей» –

временных объединений, состоящих из статусных акторов и неформальных игроков, основанных на внутренних связях между ними. А.И. Соловьёв защищает позицию, что в государстве не существует чистых институтов, а есть лишь смешанные, непременно испытывающие на себе влияние «теневых игроков» [8, с. 163–166.]. В таких условиях складывается ситуация, что среди неформальных игроков складывается группа условных «роялистов» – тех, кто поддерживает правящий режим, и сообщество «оппозиционеров» – тех, кто не смог стать «скрытым крылом власти» и начал бороться против существующего режима для отстаивания своих интересов и реализации своих планов. Так, получается, что само противостояние идёт не по линии «государство – общество», а является более глубоким, связывающим принадлежность к той или иной стороне не только по официальным позициям и должностям.

Риски снижения доверия к государственным институтам могут исходить не только извне этих институтов, но и из них самих, так как если они не будут себя активно вести в цифровом пространстве, то инициативу перехватят именно представители оппозиционного лагеря. Вполне вероятно, что в такой ситуации в выигрыше окажутся именно оппозиционеры, и уровень доверия к государственным институтам снизится. Этому можно найти свои объяснения по нескольким основаниям.

Во-первых, в цифровом пространстве важна именно активность акторов, так как в сочетании с эффектом такого явления как «клиповое сознание» [3], она даёт поразительные результаты. Суть клипового сознания заключается в максимальном упрощении информации для восприятия, из-за чего она во многом теряет содержательную нагрузку. Так, люди перестают задумываться над качественной, содержательной стороной информации, перестают подвергать её сомнению и придавать ей серьёзность, что создаёт огромные возможности для проведения манипуляций. Если со стороны представителей государственных органов система-

тически не будет поступать «контент», то, конечно, граждане будут начинать читать сторонние источники, которые уже будут подготавливать читателя к принятию определенной точки зрения.

Во-вторых, на образование рисков влияет и сам формат цифровой реальности: мы считаем настоящим то, что нам транслируют по разным каналам коммуникации и часто не имеем возможности проверить подлинность полученной информации. Это также создаёт возможности для государства и отдельных влиятельных акторов манипулировать информацией, оставляя большинство граждан в неведении. Фактически сейчас всё сетевое пространство наполнено «симулякрами», о которых писал Ж. Бодрийяр в своём произведении «Симулякры и симуляция»: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет» [2]. В ситуации, если неформальные игроки активно публикуют разнообразные «фейки» о недостатках работы государственных органов власти, а последние в свою очередь минимально реагируют на это или не реагируют вообще, в общественном сознании часто может укрепиться мысль о снижении доверия к государственным органам власти. Причём интересно, что в целом обратная связь от населения в современных условиях может стать причиной образования новых рисков для государственных институтов. Так, раньше о деятельности государственных институтов в публичном поле было известно гораздо меньше информации, чем сейчас: в настоящее время в связи с упрощением общения и более активным переходом в переписку в онлайн-формате у пользователей появилось больше возможностей открыто высказывать свои мысли. В современных условиях при столкновении с проблемой во время взаимодействия с государственным органом власти любой гражданин может вынести этот опыт на публичное обсуждение, поместив новость об этом в социальных сетях, что также создаёт дополнительный риск для снижения уровня доверия к государственным институтам власти. Так как ка-

кой-либо изъян в деятельности государственных органов власти сейчас может быстро стать известным широкому кругу лиц, требования к институтам государственной власти значительно повышаются.

Кроме того, стоит отметить, что и сам электронный формат взаимодействия создаёт определенные риски для институтов государства, так как отношение к нему у большинства граждан ещё неоднозначное; это касается как России, так и зарубежных стран [4]. По своей природе человек всегда больше доверяет тому, что он видел своими глазами, из-за чего для государства возникают риски снижения доверия к институтам государства при переводе деятельности, традиционно проводившейся в очном формате, в электронный формат взаимодействия, что можно видеть на примере отношения граждан к электронному голосованию, которое вызывает большие дискуссии в обществе (по результатам опросов «ВЦИОМ» и «Левада-Центра» мнения разделились наполовину) [10].

Исходя из данного анализа, можно сделать вывод о том, что в условиях цифрового общества в общественно-политическом управлении обнаруживается достаточно много новых рисков для государственных институтов. Соотношение публичных и латентных элементов в данных обстоятельствах становится ещё более неопределённым, конкуренция между ними ожесточается. К деятельности государственных институтов в цифровом поле предъявляются повышенные требования, в силу чего завоевать доверие со стороны граждан им становится всё сложнее.

Библиографический список

1. Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление / В.Г. Афанасьев. – Москва: Политиздат, 1981. – 431 с.
2. Бодийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодийяр; пер. с фр. А. Качалова. Москва: Постум, 2017. 320 с.
3. Володенков, С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии / С.В. Володенков // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – № 2. – С. 17. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sovremennyh-politicheskikh-protsessov-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva-klyuchevye-stsenarii> (дата обращения: 10.11.2022).

4. Грачев, М.Н. Электронное голосование: «За» и «Против» / М.Н. Грачев // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 360–365. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-golosovanie-za-i-protiv> (дата обращения: 09.11.2022).

5. Сморгун, Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой / Л.В. Сморгун // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 101, 102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-gosudarstvennom-upravlenii-ot-novogo-gosudarstvennogo-menedzhmenta-k-upravleniyu-publichnoy-politikoю> (дата обращения: 10.11.2022).

6. Соловьёв, А.И. Политика и управление государством. Новые вызовы и векторы развития / А.И. Соловьёв, Г.В. Пушкарева. – Москва: Аспект пресс, 2019. – С. 94, 95, 97, 104.

7. Соловьёв, А.И. Принятие и исполнение государственных решений / А.И. Соловьёв. – Москва: Аспект пресс, 2017. – С. 135–138, 163–166.

8. ВЦИОМ. От блоггеров – к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-blogerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy> (дата обращения: 08.11.2022).

9. Социологи зафиксировали снижение доверия россиян к государственным СМИ. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51> (дата обращения: 08.11.2022); Опрос: Россияне все меньше доверяют государственным СМИ и все больше – негосударственным. – URL: <https://www.rline.tv/news/2018-11-28-opros-rossiyane-vse-menshe-doverayut-gosudarstvennym-smi-i-vse-bolshe-negosudarstvennym/>. (дата обращения: 08.11.2022).

10. Левада-Центр: Отношение к электронному голосованию (31/08/2020). – URL: <https://www.levada.ru/2020/08/31/otnoshenie-k-elektronnomu-golosovaniyu/> (дата обращения: 09.11.2022); ВЦИОМ. Новости: Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы (11/09/2019). – URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/cifrovoe-golosovanie-v-rossii-pervye-eksperimenty-i-perspektivy?ysclid=lap5n19->

ml2513538180 (дата обращения: 09.11.2022); ВЦИОМ. Новости: Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки (29/07/2020). – URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/elektronnoe-golosovanie-novye-tehnologii-menyayut-elektoralnye-privychki?ysclid=lapabdqiww186896002> (дата обращения: 09.11.2022).

2.2. Последствия кибервиктимизации и их основные признаки

Жмуров Дмитрий Витальевич

Как известно, в юридических науках под виктимизацией понимается процесс превращения лица в жертву правонарушения (преступления или деликта). Подобные инциденты наблюдаются сегодня не только в привычном формате – в быту, на улицах и транспорте, но и в виртуальных средах, что само по себе не может оставаться без внимания научного сообщества. Этим объясняется интенсификация исследований в данной области и появление новых субдисциплин, таких как цифровая криминология, кибервиктимология или киберкриминалистика.

Актуальным теоретическим вопросом, среди прочих других, является тема оценки последствий кибервиктимизации, т.е. ее негативных результатов, возникающих для потерпевшего (имущественных, психологических, организационных и проч.). К сожалению, на данный момент имеются лишь приблизительные оценки состояния проблемы. По ориентировочным подсчетам специалистов, ущерб мировой экономике от киберпреступности будет ежегодно расти и к 2025 г. достигнет 10,5 трлн долл. [2]. Для того чтобы понимать масштабы этих процессов, достаточно упомянуть, что в 2013 г. данный показатель не превышал 113 млн долл. [1]. Несомненно, речь в большей степени идет о финансовых преступлениях (интернет-мошенничестве, цифровой краже), тогда как ущерб от случаев насильственной виктимизации (кибербуллинг, кибертерроризм, интернет-преследование) в расчет не берется.

Полагаем, что необходимо смысловое разделение терминов «вред от кибервиктимизации» и «последствия кибервиктимизации». Содержательное наполнение указанных понятий не совпадает. Если говорить о последствиях, то они могут характеризоваться как положительные, так и отрицательные. Вред, напротив, интерпретируется только в негативном плане, являясь одним из возможных, но не единственным итогом виктимизации в сети. Если с экономическим инструментарием подсчета ущерба от кибервиктимизации есть хоть какая-то ясность, то формализация психологических, физиологических и моральных издержек этого события является чрезвычайно сложной задачей. Как, например, в денежном эквиваленте оценить депрессивные или суицидальные эпизоды, возникающие у жертвы кибербуллинга, или произвести учет ухудшения качества жизни у лиц, подвергшихся систематическому сексуальному киберпреследованию?

Термин «последствия кибервиктимизации» целесообразно определить как *результат противоправного воздействия на субъекта виртуальной коммуникации*.

Это могут быть различные изменения: начиная со сферы индивидуальной психологии (модификация самоотношения, самосознания) и заканчивая организационно-ориентированными показателями (например, снижение качества управления в компании). В результате ситуацию виртуальной виктимизации можно описать как эустресс (оказывает положительное влияние на субъекта) или дистресс (демонстрирует негативное или разрушительное воздействие). Таким образом, можно с уверенностью предположить, что кибервиктимизация влечет как вредные, так и относительно полезные последствия.

К первой группе относятся: материальные и иные потери, снижение эффективности деятельности, падение качества жизни, появление негативных эмоциональных состояний и психологических проблем, косвенные издержки для общества и аффилированных с жертвой лиц и т.п.

Во вторую группу входят: совершенствование адаптивных навыков; воспитание привычки противодействия агрессорам; развитие рефлексивного отношения к собственной деятельности и, как следствие, умения планировать свои поступки; выработка поведенческой гибкости и навыков противостояния противнику в конфликтных ситуациях; получение бесценного негативного опыта, который в дальнейшем поможет преодолевать сложные жизненные ситуации.

Обратим особое внимание на некоторые признаки первой группы последствий негативной модальности. Среди них:

1. *Регрессивность* – качественное изменение положения объекта в сторону ухудшения его жизненного (витального) уровня. Проявляется в многочисленных неблагоприятных результатах: утрате ценностей, лишении каких-либо возможностей, потерях, убытках, страданиях, внезапных дисфункциональных изменениях самочувствия и здоровья, приостановке экономической деятельности, утрате контроля над компонентами цифровой среды и проч.

2. *Дуалистичность* как виртуально-реальная сущность наносимого вреда. С одной стороны, действия, которые выступают его причиной, имеют цифровую природу, проявляясь исключительно в киберпространстве, но с другой – нельзя не видеть материальность и осязаемость ущерба, выходящего за границы виртуальной жизни (потеря реальных ценностей, нарушение циклов производства и торговли, угроза здоровью и жизни). Другими словами, негативные последствия цифровой виктимизации продолжаются офлайн, в реальной жизни.

3. *Иррадиированность*, предполагающая, что негативные последствия претерпевают не только жертва, но и третьи лица, не обязательно связанные с ней. Последствия кибервиктимизации – как «круги на воде», расходящиеся экстенсивно: не в глубину, а вширь. И чем больше времени проходит, тем больший радиус колебаний можно увидеть. Если это сравнение уместно, то негативные последствия киберпреступлений, как упомянутые «круги», не ограничиваются только жертвой; они почти всегда выходят за ее индивиду-

альные рамки и проявляются в иных социальных отношениях. Таким образом, вред, кроме самой жертвы, причиняется другим субъектам. Например, в случае DDoS-атаки на сайт, как правило, кроме его собственника страдают: поставщик DNS-услуг; добросовестные пользователи хостинга, где был размещен атакуемый ресурс; пользователи отключенных веб-проектов; иные субъекты цифровой экономики, связанные с пострадавшим, особенно, если последний был включен в цепь поставок и т.д.

4. *Полиморфность* – такое качество последствий, когда они сочетают в себе формализованные и неформализованные характеристики, т.е. помимо экономических индикаторов вреда, объективизированных суммой ущерба или затратами на восстановление, существуют вредные последствия, не поддающиеся точному подсчету (снижение экзистенциальных показателей, риски развития девиаций, соматические и психические опасности и т.п.).

5. *Ситуационность*, возникающая тогда, когда ущерб зависит от множества не всегда очевидных обстоятельств. Например, оценка вреда при атаке на веб-сайт компании зависит не только от стоимости часа простоя ресурса и упущенной выгоды, но также и от затрат на устранение вредных последствий, устанавливаемых на локальных рынках по-разному. В США или Германии это будет одна цена, в России – совсем другая. Аналогичная ситуация возникает с психическими реакциями жертв. Они будут зависеть от особенностей национальной ментальности и специфики этнопсихологии, преобладающей в структуре личности жертвы. Признак ситуационности напрямую зависит от территориальных, антропологических, межкультурных, экономических и других особенностей.

6. *Диспропорциональность*, заключающаяся в том, что между потраченными на реализацию преступных намерений ресурсами и причиняемым ущербом, как правило, обнаруживается серьезное несоответствие: нередко в Интернете малыми усилиями достигаются серьезные негативные результаты.

Итак, последствия кибервиктимизации – глобальная проблема современного мира. Она влияет на все сферы жизни человека: от экономики до интеллектуальной деятельности. В то же время данные последствия сильно различаются: от единичных случаев (в форме интернет-угроз или кибермошенничества) до массовых (кибертерроризм, кибердиверсии, кибервойна). Оценка ущерба от кибервиктимизации занимает особое место в изучении реального состояния киберпреступности; она необходима для разработки комплекса ее профилактических мероприятий.

Библиографический список

1. Пархоменко, С.В. Предупреждение компьютерной преступности в Российской Федерации: интегративный и комплексный подходы / С.В. Пархоменко, К.Н. Евдокимов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 265–276. – DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).265-276.

2. Эксперт оценил ущерб от киберпреступлений в России в 2021 году. – URL: <https://ria.ru/20211222/kiberprestupleniya-1764832102.html> (дата обращения: 31.08.2022).

2.3. Противодействие практике информационного манипулирования и понижения доверия к государственным институтам

Кенден Чимис Аясовна

Феномен манипулирования в информационном пространстве как «мягкое» информационно-психологического оружие имеет междисциплинарный характер. Вопросам манипулирования в различных сферах (политической, военно-политической, экономической, социальной, религиозной, экологической и др.) информационного пространства посвящены многочисленные публикации. В частности, в военно-политической сфере представляют интерес публика-

ции, в которых излагается мнение экспертов, военных экспертов по вопросам информационного противоборства. В публикациях И.В. Бочарникова представлена хронология использования деструктивных информационных технологий в отношении России в целях дестабилизации ее внутриполитической ситуации. Широкомасштабная информационная агрессия США, обусловленная утверждением ее мирового лидерства и применением информационного прессинга на ближайшие восемь лет, – основной тренд американской внешней политики.

Информация становится одним из доминирующих ресурсов, за обладанием которым разворачивается множество конфликтов в современном обществе. Свободный доступ к различным сведениям, их фрагментарность и разрозненность, анонимность источника транслируемых сообщений, расширение возможностей для осуществления манипулирования поступками множества людей продуцируют возникновение информационных конфликтов. Сети становятся новым инструментом, используемым для эскалации политической и экономической напряженности. Молниеносная отправка сообщений сотням получателей по всему миру позволяет координировать и манипулировать действиями субъектов, принадлежащих к разным социальным общностям. Создаются благоприятные условия для расширения пространственных границ распространения противоречий, вовлечения в область противостояния представителей разных государств. Информационные конфликты выходят на транснациональный и глобальный уровень вследствие трансграничного взаимодействия субъектов. Применение сетевых технологий позволяет нивелировать географическую рассредоточенность людей, формируя условия для взаимодополнения их деятельности недостающими ресурсами. Нестабильность, динамичность функционирования сетевых структур, деструктивно воздействующих на существование и развитие социальной реальности, актуализирует практическую необходимость осуществляемого рассмот-

рения. Использование информационного ресурса ориентировано как на осуществление манипуляторных действий и эскалации конфликтных ситуаций, так и на предоставление значимых сведений, содействующих стабилизации напряженности и разрешению противоречий.

Информация является символическим ресурсом, используемым субъектами для воздействия на все социальные процессы и явления. С одной стороны, она все чаще используется на диалоговых площадках в рамках международных организаций, способствует быстрому и динамичному развитию науки и образования. С другой стороны, расширяются возможности для целенаправленного воздействия на внутренние дела государства, на процесс формирования общественного мнения; утрачивается монополия на контроль над транслируемыми сведениями со стороны властных структур.

Современные технологии предоставляют возможность, воспользовавшись достижениями в области цифровых технологий, избавиться себя от таких простых забот, как оплата счетов за ЖКУ, налогов и иных обязательных платежей путем посещения кредитных или иных платежных организаций; получение выписок и справок возможно из любой точки мира, где есть Интернет. Для обычного пользователя подобные технологии экономят большое количество времени, которое могло быть потеряно в простаивании очередей и в дороге до организаций приема оплаты и т.д. С одной стороны, онлайн-сервисы, обеспечивающие вышеописанные функции, своим наличием уже способны снизить уровень коррупции за счет физического отсутствия оборота денежных средств; с другой – отсутствие массового просвещения, обучения населения в сфере современных цифровых технологий и неумения пользования ими является триггером для деятельности киберпреступников.

Как справедливо отмечает А.И. Овчинников, «цифровизация государственного управления, экономики, образования, здравоохранения и других сфер государственной и общественной жизни стала общемировым трендом. Не являет-

ся исключением и правовая система Российской Федерации, все структурные элементы которой испытывают влияние цифровых технологий» [7]. В любом случае развитие неизбежно. В наших силах интегрировать новые технологии в жизнь общества с наибольшей выгодой. Возможно ли внедрять современные технологии отдельно от коррупционной кампании? Нельзя забывать, что цифровизация не идеальна и подвержена атакам извне, саботажу, что представляет возможности для коррупционных действий.

Д.Н. Мухамадиева описывает электронное голосование как процесс, подверженный получению необъективных результатов в связи с наличием высокого риска фальсификации итогов голосования из-за давления пролоббированного начальства на работников, контролирующих цифровые процессы. Поэтому сегодня необходимо разрабатывать технологии и методы борьбы с развивающейся коррупцией в электронном пространстве на совершенно новом, инновационном уровне, а также вести активную социально-экономическую политику, пропагандирующую порицание казнокрадства.

Цифровизация как процесс почти не влияет на уровень коррупции. Без должной защиты со стороны регулирующих органов и поддержания системы на самом современном уровне процесс цифровизации будет не более чем пособием коррупции для нового поколения пользователей.

Существует мнение, что перенос взаимодействия человек – оператор в условный дружелюбный интерфейс мобильного приложения приводит к снижению коррупции из-за отсутствия прямой связи, физического контакта между сторонами. Так, Т.Ю. Кротенко отмечает: «Цифровизация – это неизменно популярный ... термин. ... Чем меньше возможностей прямого «человеческого» общения различных участников образовательного процесса, тем ниже соблазн для коррупционных действий» [4]. Конечно, данное утверждение можно применить не только к образовательной деятельности.

Несомненно, примитивные коррупционные схемы данный метод отсекают, но нельзя забывать, что проблема кор-

рупции в Российской Федерации, как и в остальном мире, носит глобальный характер. Нужно помнить, что первая и единственная проблема коррупции – это человек. Каким бы высоким уровнем не обладала защита, она носит временный характер. Протекцию отраслей есть смысл осуществлять методом исключения человека-оператора из цепочки событий.

Успешными примерами реализации здесь являются законодательные изменения отраслевого законодательства. Особую роль в борьбе с коррупцией также продолжает играть продолжающийся развиваться портал государственных услуг.

Таким образом, на данный момент нужно внедрять онлайн-сервисы, услуги и т.д. в жизнь государства и общества, переводить во всемирную паутину все больше задач, но также необходимо укреплять уже достигнутые результаты путем интеграции системы поиска и контроля отклонений от нормальной работы, которая могла бы действовать независимо от человека, выдавая на обработку оператору уже предложенные решения. Решение данной задачи лежит не только в плоскости технических решений. Особая роль в данном вопросе должна уделяться соответствующему правовому регулированию. В Российской Федерации принят целый массив антикоррупционных нормативных правовых актов. Продолжает стремительно развиваться отрасль цифрового законодательства.

Современные социальные сети эффективно используются в целях формирования различных движений, включая и протестные («бархатные» и «цветные» революции), а также влияния на организацию целеориентированных новостных циклов в СМИ.

Имеет место выраженный тренд роста: а) деструктивных сетевых социальных структур; б) искусственно создаваемых сетевых ресурсов, используемых с целью организации информационных атак; в) подложных (клонированных) ресурсов сети Интернет, которые могут быть использованы для дезинформации широкого круга пользователей. Обращается внимание на наличие устойчивых тенденций про-

грессирующего роста компьютерной преступности, распространения пропагандистских материалов преступных организаций.

В рамках деструктивных сетевых технологий наблюдается тенденция активного использования медиавирусов (информационно-психические вирусы), так называемых мемов (мем рассматривается как единица подражания; мем – максимально доступный, деструктивный симулякр), которые послужили основным фактором воздействия на общественное сознание в событиях «арабской весны» и на Украине.

Недостаточно эффективное международное правовое регулирование и актуализация проблем цифрового неравенства только усугубляют обозначенные выше процессы, происходящие в мировом сообществе. В связи с этим остро встает вопрос информационного суверенитета.

Библиографический список

1. Арзуманова, Л.Л. Новый вектор развития медиации в финансово-правовой сфере / Л.Л. Арзуманова // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч. – Москва, 2021. – Ч. 2. – 408 с.

2. Беликов, Е.Г. Развитие финансово-правовых принципов в условиях цифровой экономики / Е.Г. Беликов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 9 (73). – С. 39–45 .

3. Володенков, С.В. Информационное противоборство как составляющая современных «гибридных войн»: роль и особенности / С.В. Володенков // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века. – Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2015. – С. 189–210.

4. Кротенко, Т.Ю. Коррупция в сфере образования и цифровизация / Т.Ю. Кротенко // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 47-4. – С. 5–7.

5. Михайлова, О.В. Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «стратегия Чеширского кота» по управлению сетями / О.В. Михайлова // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 6–18.

6. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практики реализации / Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности; под общ. ред. И.Б. Бочарникова, С.Л. Кандыбовича, В.Б. Тарасова. – Москва: ГБУ «Московский дом национальностей», 2021.

7. Овчинников, А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски / А.И. Овчинников // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 158–170.

8. Соколова, С.Н. Культура безопасности современного общества и аксиологическая матрица личности / С.Н. Соколова // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2017. – № 1. – С. 66–72.

2.4. Доверие и недоверие к институтам власти: исторический и современный обзор*

Ким Александр Алексеевич

Безусловно, «вечный вопрос» о доверии большинства населения собственной власти, органам и институтам, отдельным властвующим лицам (главе государства), национальным лидерам (каковым, например, являлся В.В. Путин в период президентства Д.А. Медведева, а в зарубежной истории им был М. Робеспьер, фактически правящий Францией чуть более года, но не занимавший при этом никакого соответствующего его фактическому статусу государственного поста) всегда был значим, но решался, конечно же, по-разному. Обратим внимание также на то, что именно с механизмом обеспечения этого доверия, этим многогранным, поликомпонентным феноменом, который просто невозможно свести к какому-либо одному, пусть даже «весомому» фактору, в полной мере справедливо властные элиты связы-

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022. – URL: <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>

вают уровень своей устойчивости, т.е. время, в течение которого они будут управлять государством и обществом.

В политико-правовом познании слово «доверие» чаще всего заменяется категорией «легитимность», о которой, например, В.Е. Чиркин писал, что «это тоже «узаконение», но узаконение не только правовое, главным образом, не правовое, а иногда и не имеющее отношение к праву. Требование ... конфуцианцев о вселенской гармонии не отрицало значение норм..., но исходило из того, что эти нормы, определяющие поведение людей, деятельность власти, должны соответствовать этой гармонии, что было оригинальной трактовкой легитимации. Легитимность – это состояние фактическое, узаконение не обязательно формальное, а чаще – неформальное» [3, с. 12].

Доверие к власти, таким образом, – атрибут гармоничного национального политико-правового мира, важное условие, своего рода социальный *иммунитет*, т.е. невосприимчивость народа конкретного государства к разного рода деструктивным (радикальным) доктринам, идеям, призывам, лозунгам и др. Напротив, падение доверия к власти, снижение «градуса» ее легитимности есть явное начало либо политического, либо (что не так уже и редко) системного кризиса, ведущего к состоянию катастрофы национального государства и даже к его распаду (СССР, Югославия и др.).

Не употребляя сам термин «иммунитет», Г.В.Ф. Гегель отмечал, что «нелепостью было бы навязывать народу учреждения, к которым он не пришел бы в своем собственном развитии... Государственный строй – дело состояния этого внутреннего духа. Он служит почвой; ни на земле, ни на небесах нет силы, которая могла бы противостоять праву духа [1, с. 383].

Столь «высоким» стилем немецкой классической философии Гегель показывает значение «духа народа» или, иначе говоря, – его ментальности, политических и правовых архетипов в организации публично властного поля, развитие которого, как считает философ, – «диалектическое снятие» в рамках хо-

рошо известной триады: «семья – гражданское общество – государство». Однако, собственно, механизма легитимации власти, реалий протекания этих процессов мыслитель не выявляет, точнее, не конкретизирует.

Последнее будет неплохо представлено уже в постгегельянской юридической и философско-правовой (а позже и политологической) литературе, в которой проблемы доверия к властным институтам и органам будет переведено в ситуативно-историческую и рационально-функциональную плоскости. Отсюда, собственно, и возникают классические способы легитимации власти М. Вебера, опирающиеся, как известно, на так называемые «чистые» (или «идеальные») *типы господства* – традиционный, харизматический и легальный (рациональный), которые, разумеется, предполагают, имплицитно определяют комплекс социальных ценностей, переживаний, стереотипов, убеждений и тем самым порождают конкретный вариант политической и правовой активности, а также влияют на специфику последней в условиях рискованных трендов (политических, экономических, этнических и др.). Именно в рамках такой легитимационной триады и возникает одно из ключевых понятий этого политико-правового и социального дискурса – *авторитет* публичной власти, который по большому счету стал центральным критерием оценки доверия к ней населения («уровень доверия»).

В таком концептуальном континууме, как правило, рассматривается проблема доверия к властным институтам и в отечественном социально-правовом пространстве, и за рубежом. Отметим, что исследование вопроса легитимности государственной власти, его специфики и результативности чаще всего сводится к нескольким эвристическим «точкам»:

1) происхождение институтов и органов публичной власти (традиционное или модернизационное их проектирование);

2) устойчивость существования (во времени) институтов верховной власти в национальном политико-правовом пространстве;

3) эффективность деятельности, функционирования органов высшей государственной власти в конкретный исторический период той или иной, государственности.

Именно в такой концептуальной проекции изучается легитимность или доверие к государственным институтам в специальной литературе, именно эти параметры и легли в основу традиции исследования этого сложного, ментально (социокультурно) обусловленного феномена, важнейшего компонента любого политико-правового и духовного (национального) мира.

Вместе с тем при анализе доверия в контексте конкретных обществ важна дихотомия индивидуализм / коллективизм. *Индивидуализм* (персоноцентризм) характерен для обществ со слабыми связями между индивидами. Предполагается, что каждый заботится только о себе и своей семье. Интересно заметил еще Фридрих А. Хайек: «Слово «индивидуализм» приобрело сегодня негативный оттенок и ассоциируется с эгоизмом и самовлюбленностью... индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией» [2, с. 19].

Коллективизм (соборность), напротив, характерен для обществ, в которых люди с рождения и до смерти интегрированы в сильные, связанные группы, защищающие (или опекающие) своих членов в обмен на их безусловную *лояльность* по отношению не только к корпоративным, коллективным, общинным и т.п. нормам, обычаям, традициям и ритуалам, но и к государственным институтам. Западные социологи отмечают, что индивидуализм, как правило, нарастает по мере улучшения национального благосостояния и усиление индивидуализма – это скорее следствие, чем причина экономического роста, с чем, конечно, вряд ли стоит согласиться, считая, что как индивидуализм, так и коллективизм прежде всего определены национальными архетипами, содержанием ментальности конкретного этноса, народа.

Вследствие этого ясно, что каждый социум, несомненно, имеет собственный *предел* «роста» индивидуализма, определяемый, прежде всего, глубинными ментальными структурами (стилем мышления, аксиомами национального сознания, типичными поведенческими установками и реакциями др.). Так, недавний рост благосостояния в азиатских странах во многом стимулировал некоторое усиление индивидуалистических начал и мотивов в обществе, однако это отнюдь не привело к формированию индивидуализма западного варианта, хотя ряд западноевропейских стран в конце XX в. находятся (по основным показателям) на том же уровне социально-экономического процветания [4].

Совсем недавно в специальной литературе, преимущественно в работах западных авторов, в качестве параметра процесса легитимации государственной власти была определена антиномия *краткосрочной ориентации* и *долгосрочной ориентации в жизни* [5].

Многочисленные сравнительно-правовые (кросс-культурные) и социологические исследования (данные по 23 странам) выявили, что восточноазиатские нации склонны к долгосрочной ориентации, к гиперперспективному планированию во всех сферах общественной жизни (хотя прежде всего это проявляется не в материально-технической и финансовой сферах, более других подверженных изменениям, «рыночным» падениям и взлетам, а в политико-правовой, религиозной и семейно-бытовой областях).

Напротив, европейские или евроамериканские цивилизации показали способность к краткосрочному планированию, ожиданию всевозможных (положительных или негативных перемен) во многих социальных секторах [5]. Такая позиция во многом коррелирует с философскими постулатами западного релятивизма, идущими еще от старших софистов (Протагора и Горгия), предполагает некоторую готовность к широкомасштабным социальным изменениям (положительным или отрицательным), определенную гибкость и толерантность.

Все это представляет отражение западного динамизма в сочетании со стремлением к политической и правовой стабильности общества и государства в противовес восточной стагнации, ориентиру на некий абсолютизм и незыблемые ценности, стремлению к «тысячелетним» империям, часто приводящим народы (особенно в XX в.) к острым экономическим, политическим, национально-этническим кризисам и правовому хаосу.

Данный параметр, несомненно, совпадает с более известными в правовой и политической науках категориями, прежде всего с такими, как «консерватизм», «реформизм», «адапционность», «революционность», выражающими ценности, приоритеты, интересы большинства членов социума и властных элит в определенный (часто достаточно длительный) исторический период. Совпадение этих ценностно «окрашенных» стратегий у большинства населения и правящих лиц – значимое условие сохранения доверия к важнейшим государственным институтам.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014

Библиографический список

1. Гегель, Г.В. Ф. *Философия права* / Г.В.Ф. Гегель. – Москва, 1990.
2. Хайек, Ф.А. *Дорога к рабству* / Ф.А. Хайек. – Москва, 1992.
3. Чиркин, В.Е. *Основы государственной власти* / В.Е. Чиркин. – Москва, 2018.
4. Ester, P., Halman L., Moor R. *The Individualizing Society: Value Change in Europe and North America* / P. Ester, L. Halman, R. Moor. – Tilburg, 1993.
5. Hoppe, M.H. *A Comparative Study of Country Elites* / M.H. Hoppe // Unpublished Ph.D. Dissertation. – University of North Carolina at Chapel Hill, 1990.

2.5. Концепт «доверие» в цифровую эпоху общественно-политической организации: идейно-концептуальные версии и современные общественно-политические технологии*

Мамычев Алексей Юрьевич

Доверие традиционно в рамках обыденных, повседневных и частноправовых практик рассматривается в качестве межличностной структуры взаимодействия, характеризующая различные типы субъект-субъектного взаимодействия, основанные на личностных ожиданиях (определённых эмоциональных и поведенческих реакций со стороны другого), вере (определённый установленный порядок взаимодействия или профессионализм другого в оказании услуг), надежде (благоприятное разрешение какой-либо внешней ситуации, значимой для личности), уверенности (профессионализм другого при указании каких-либо услуг) и т.д. Доверие также рассматривается как особый режим функционирования власти, характеризующийся различного вида доверительными отношениями – межличностное доверие и публичное (общественно-политическое) доверие. В контексте общественно-политического взаимодействия доверие выступает в качестве многогранного, комплексного феномена, отражающего специфику взаимодействия в системе личность – общество – государства. Здесь выстраиваются и описываются различные модели взаимодействия, например между личностью и различными общественными институтами, коллективами и профессиональными организациями, публичными органами власти и бизнес-структурами, личностью и политическими партиями и движениями и т.п. При этом само доверие приобретает деперсонифицирован-

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022. – URL: <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>

ный характер и преимущественно рассматривается как качественная характеристика публичных институтов и институциональных связей. Такая трактовка нередко приводит к содержательному совпадению таких феноменов, как «доверие» и «легитимность», где типы доверия и легитимности выводятся из 4 типичных видов социального действия, выделенных М. Вебером. Например, выделяется доверие: 1) аффективное, имеющее эмоционально-психологические характеристики; 2) традиционное, связанное с привычными, сложившимися и воспроизводящимися в обществе моделями доверительных отношений; 3) целеориентированное, опирающееся на общие цели, договоренности, общие компромиссы, выгоды и т.п.; 4) ценно-ориентированное, имеющее в основании общеразделяемые ценности, общее благо, общие экзистенциальные, национальные, профессиональные и иные смыслы.

Доверие трактуется как качественная и институциональная характеристика публично-властной организации. Первая отражает характер политико-правовой организации, институциональные условия и специфику взаимодействия в системе государство – общество – личность. Вторая, как правило, рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, доверие как состояние публично-властной организации общества и как необходимое условие властной коммуникации между обществом и государством; во-вторых, доверие как символический капитал конкретного политического института. В первом случае исследовательская оптика ориентирована на характеристику общего уровня доверительных отношений в обществе. Данная интерпретация доверия основывается на идеи «органической солидарности» (Э. Дюркгейма), которая выступает качественной характеристикой, описывающей состояние сплочённости и солидарности в обществе как целостной социальной системы. Доверие здесь своеобразный «социальный эфир», связующий различные элементы общественной системы; оно отражает качество этой связанности и уровень сплоченности в обществе.

Концепт доверия комплексный; он может описывать всю сформированную социально-техническую реальность, а понятие «цифровое доверие» – это специфическая, видовая характеристика общего доверия. Доверие фактически подменяется персонализированным и детализированным алгоритмическим контролем и поведенческим прогнозированием. Места социальному доверию в тотальном социально-техническом мире не остается. Цифровое доверие начинает трактоваться уже не только как качественная характеристика конкретных практик или ценностно-нормативных ожиданий; оно трансформируется в тотальный механизм обеспечения социальной устойчивости, прогнозируемости и стабильности политико-правового и социально-экономического развития.

Исследование и содержательное описание смысловых и технологических элементов формирования и развития доверительных публично-властных отношений в системе личность – общество – государство следуют в рамках следующего структурно-смыслового поля: дистанция власти (специфика традиционного диалога между властью и обществом); традиционная для конкретного социума «боязнь неизвестности»; индивидуалистические и коллективистские начала в организации и функционировании власти; долгосрочная или краткосрочная ориентация в политической жизни страны. Данное структурно-смысловое поле задает общие формы и направленности развития публично-властных отношений в обществе, общее понимание сути и содержания доверительных отношений, а также общие ценностно-нормативные основания легитимных действий и взаимодействий.

Современный период следует трактовать в качестве транзитивного, характеризуемого переходом мирового глобально-информационного общества в новую фазу своего развития – цифровое общество, в котором не только все основные социальные коммуникации осуществляются в киберпространстве на базе общих (сквозных) цифровых технологий и разнообразных платформенных решений, но и кардинально меняются общественно-политические формы

коммуникации, структурно-смысловая направленность развития публично-властных отношений, технологии и практики государственного управления, учитывающие сетевую и интерактивную динамику общественных отношений.

Ключевая тенденция трансформационного (транзитивно-го) периода связана с возвращением традиционного структурно-смыслового поля доверия, сложившихся устойчивых форм и режимов доверительных публично-властных отношений, а также делегитимацией государственной политики как препятствующей свободному развитию новой цифровой реальности (метареальности) взаимодействий. Негативный образ государственно-управленческой деятельности активно продвигает «новая цифровая элита», параллельно усиливая разработку альтернативных цифровых сервисов, форм и режимов деятельности и коммуникативной активности пользователей (альтернатива национально-государственной идентификации). Новые акторы цифровой реальности активно стимулируют цифровое бегство от государства, т.е. настойчивое навязывание пользователю практики перевода всех своих официальных профилей, информации и сервисов с государственных платформ на цифровые платформы, где создаются комфортные условия для любых форм публичного и частного взаимодействия.

Кроме традиционных форм инструментального регламентирования и формирования типичных (регуляторных) моделей общественно-политических отношений, реализуемых с использованием цифровых технологий, в настоящее время необходимо развитие принципиально новых социально-технологических норм и конвергентных (смешанных/гибридных) правовых режимов регулирования отношений, основанных на использовании цифровых технологий. Политика государства должна быть ориентирована на формирование новых институтов и нормативных комплексов, сочетающих как потенциал социально-нормативных систем (морали, традиций, обычаев и т.д.), характеристики и закономерности развития общественных отношений, так и

технологические стандарты и требования, а также принципы и траектории развития сложных технологических систем современности. При этом требования безопасного развития цифровых технологий, систем искусственного интеллекта сочетаются с требованиями защиты прав и свобод граждан. Причём важнейшим направлением государственной политики является гармонизация последних. Если в XX в. главным в правовой политике была гармонизация интересов и потребностей личности, общества и государства, то в рамках XXI в. в комплексной политике национальных интересов это гармонизация не только потребностей и интересов данной триады, но и требований и потребностей развития технологических систем, их безопасности, приоритетов машинного обучения и проч.

В государственном управлении развитие практик опережающего правотворчества ориентировано на формирование рамок и стандартов для развивающихся и неустоявшихся общественных отношений, в которых невозможно выделить типичные характеристики и сложившиеся формы взаимодействия, поскольку последние постоянно изменяются и переструктурируются. В этом плане государство формирует общие «правовые рамки» и «нравственно-этические барьеры» для развития и институционализации отношений, инициируемых или опосредованных современными цифровыми технологиями. Кроме того, важнейшим элементом общественно-политического кодирования технологического развития должно стать развитие опережающего правотворчества, формирующего допустимые рамки цифровых изменений в обществе. Здесь «прогностическая этика» нормирует процессы проектирования технологий, а ценностное кодирование поэтапно встраивается в технологическое проектирование сложных цифровых систем.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014

2.6. Доверие со стороны гражданского общества как условие эффективной деятельности органов местного самоуправления

Маркина Алена Алексеевна

Гражданское общество является важным элементом в системе реализации государственной политики и управления общественной жизнью не только на федеральном и региональном уровнях власти, но и на местном уровне. Неоспоримую актуальность взаимодействию власти (через конкретные органы и их должностных лиц) и граждан придает тот факт, что, только осуществляя деятельность, где тем или иным образом затрагиваются или реализуются права и законные интересы граждан, органы государственной власти и должностные лица демонстрируют через эту деятельность свой подход к регулированию общественной жизни, решению общественных проблем. В процессе такого взаимодействия рождается не что иное, как доверие, которое для любого гражданина играет важную роль в том, как эффективно осуществляют свою деятельность органы государственной власти, местного самоуправления и их должностные лица.

Доверие является такой категорией, которую с точки зрения права достаточно трудно измерить, несмотря на то обстоятельство, что в ряде законодательных актов оно встречается и, кроме того, регулируется посредством отдельных норм. Так, например, в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» доверие, а точнее его утрата, используется в качестве инструмента для определения надлежащего поведения государственного служащего и применения к нему мер взыскания в случае, если его поведение не соответствует такому, в связи с чем он утрачивает доверие со стороны руководителя [3, с. 592]. Утрата доверия также встречается и в Трудовом кодексе Российской Федерации, где она выступает основанием для расторжения трудового договора с работником по инициативе работодателя [4, с. 81].

Главными остаются вопросы о том, что же все-таки представляет из себя доверие, почему оно в каком-то смысле регулируется правом и в чем заключается его важность для деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Для ответов на эти вопросы следует начать с того, что доверие – это издавна знакомое человеческому обществу явление, которое выступает связующим звеном в отношениях не только между людьми, но и людьми и органами публичной власти. Доверие – это такое отношение, при котором один субъект чувствует уверенность в другом, способен осуществлять с ним взаимодействие, не ожидая наступления неблагоприятных последствий.

Доверие является объектом исследования многих наук, не только гуманитарных. Так, в работе А.В. Жигулиной, где дается представление о доверии с экономической точки зрения, автором указывается следующий тезис: «... понятие «доверие» рассматривается в качестве базисного положения для хозяйственных долгосрочных связей и договорных отношений, которые могут возникать между бизнес-партнерами, предпринимательскими структурами, различными подразделениями организаций и предприятий» [1, с. 106].

С точки зрения психологии понятие «доверие» рассматривает, например, Н.А. Калинина. По мнению автора, «... доверие – это одно из условий человеческих отношений и социального порядка, состоящее в ожидании того, что в ситуации неопределенности объект будет действовать во благо тех, кто рискнул вступить с ним во взаимодействие» [2, с. 249].

Из приведенных подходов становится очевидным, что доверие предполагает взаимоотношения между какими-то субъектами, в которых один ожидает определенное поведение от другого. И если с точки зрения психологии этими субъектами являются конкретные люди (индивиды), то с точки зрения права такими субъектами могут выступать и юридические лица, и, что важнее, органы государственной власти и местного самоуправления.

Надо понимать, что деятельность органов местного самоуправления оценивается гражданами на основе взаимодействия с конкретным должностным лицом, которое выступает (формально) от имени такого органа. Этот подход более правильный с точки зрения психологии, если говорить о формировании доверия только между живыми людьми. Но особенность правовой позиции заключается в том, что, оценивая деятельность одного должностного лица, граждане формируют представление о самом органе, и гражданам уже не так важно, каждое ли должностное лицо этого органа соответствует другому, относящемуся также к этому органу. Можно привести следующий пример этого тезиса. Гражданин обращается в мэрию своего города с целью заключения договора аренды земельного участка. Спустя какое-то время этот гражданин получает ответ на свое заявление, который гражданина не устраивает: представитель мэрии сообщает гражданину о необходимости предоставления дополнительных документов. Гражданин обращается повторно, и уже другой представитель все той же мэрии также отвечает отказом и просит предоставить уже другие документы. У гражданина автоматически в силу особенностей его психики может появиться вопрос о компетенции сотрудников мэрии его города, вызванный недовольством от постоянной необходимости предоставлять дополнительные документы. Можно представить ситуацию, что гражданин не имеет возможность ознакомиться с текстом нормативного акта, где указан подробный перечень этих документов, или же вообще этот перечень представлен открытым, а потому для гражданина важно получить от представителей мэрии, которые рассматривали его заявление, если не положительный, то хотя бы надлежащий ответ, уважающий права и интересы гражданина. Вместо этого гражданин может столкнуться с некомпетентностью (в данном случае отсутствие согласования между разными представителями мэрии по вопросу одного гражданина) представителей публичной власти, а значит, и доверие не только к этим лицам, но и самому органу будет подорвано таким отношением.

Особенность формирования доверия граждан именно к самому органу местного самоуправления обусловлена и тем фактом, что для граждан презюмируется, что представители публичной власти должны и будут уважать права и законные интересы граждан. Публичная власть в силу своей природы предполагает воздействие на граждан, на само общество, а потому гражданам важно понимать, что, будучи наделенными существенным спектром полномочий и компетенций, представители этой самой публичной власти будут нацелены на обеспечение благосостояния своих подчиненных, т.е. само общество и его граждан. Таким образом, доверие «автоматически» рождается на высоком уровне, однако по этой же самой причине гражданам достаточно легко утратить доверие к публичной власти и органам ее представляющим.

Опасность утраты доверия к органам местного самоуправления заключается в том, что его отсутствие со стороны граждан будет свидетельствовать о неэффективности работы самим органами и их должностных лиц, нарушении прав и законных интересов граждан и других субъектов. Это, в свою очередь, в самом худшем случае может привести к стагнации качества работы конкретного органа местного самоуправления, повышенному уровню халатности со стороны должностных лиц, а также нескончаемому нарушению прав и законных интересов граждан и других субъектов. Для тех лиц, чьи права могут быть нарушены в результате работы такого органа, единственным выходом может оказаться обращение за судебной защитой, что подразумевает как временные, так и материальные траты, чего можно было бы избежать, если бы со стороны власти такого поведения не было.

Отсутствие доверия может сказаться и на нежелании граждан вовсе обращаться с каким-либо вопросом в органы местного самоуправления, что также актуализирует вопрос о фактической надобности таких органов. Безусловно, в таком случае заинтересованные лица, не имеющие другого варианта, вынуждены будут обращаться и дальше в органы местного самоуправления, однако уже этот факт может привести к другому негативному явлению – коррупции, и лица могут ока-

заться в такой ситуации, когда без материальных затрат решить свою проблему они просто не смогут.

Однако недоверие к органам местного самоуправления может носить и в некотором смысле положительный эффект: когда граждане не доверяют органам местного самоуправления, это является показателем того, что имеются некоторые аспекты, которые следует улучшить в работе органов местного самоуправления. Кроме того, такие улучшения, направленные на приведение работы в норму, могут и перейти этот рубеж, и модернизировать какие-то направления деятельности органов местного самоуправления. Например, проблема с получением документов по почте и их утрата может привести к необходимости и, как следствие, уже особенности подачи документов в электронной форме прямо на адрес электронной почты органа местного самоуправления.

Все это позволяет сделать вывод о том, что доверие, которое складывается между обществом и органами местного самоуправления, играет важную роль в оценке качества деятельности последних, а также степени удовлетворенности этой деятельностью общества. Тогда, когда общество доверяет публичной власти, для последней открываются большие перспективы, для того чтобы вывести взаимодействие с гражданами на новый уровень. Это может проявиться, например, в обсуждении вопросов местного значения при участии представителей обеих сторон, в получении общественной оценки деятельности органов местного самоуправления с целью выработки новых подходов и в других мероприятиях. Чем сильнее публичная власть будет заинтересована в жизни общества, тем больше будет само общество доверять власти. Таким образом, доверие будет выступать не только инструментом определения недочетов в деятельности органов местного самоуправления, но и способом улучшения качества жизни общества.

Библиографический список

1. Жулина, А.В. Понятие доверия между субъектами договорных отношений / А.В. Жулина // Право и государство: теория и практика. – 2020. – С. 106, 107.

2. Калинина, Н.А. Соотнесение понятий: доверие, уверенность и вера / Н.А. Калинина // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2021. – № 1 (5). – С. 244–250.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ: принят Гос. Думой 07 июля 2004 г.: одобрен Советом Федерации 15 июля 2004 г.: [ред. от 07 окт. 2022 г.] // Российская газета. – 2004. – 31 июля (№ 162).

4. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. [ред. от 07 окт. 2022 г.] // Российская газета. – 2001. – 31 декабря (№ 256).

2.7. Национально-государственная идентичность в условиях цифровой трансформации*

Матюк Юлия Сергеевна

Исследование национально-государственной идентичности является одной из актуальных тем, которые пользуются неизменным вниманием научного сообщества.

Одновременно с этим национально-государственная идентичность – одна из важнейших проблем политико-правовой сферы России. Указанная проблема носит комплексный характер и содержит целый ряд взаимосвязанных социокультурных, гуманитарных и политических аспектов. Формирование национально-государственной идентичности является важной стратегической задачей в современных условиях кризисов и нестабильности, что отражено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [6].

В основу самоидентификации ложится коллективный образ «нас» как социокультурного и макрополитического

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022. – URL: <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>

сообщества, который опирается на систему общенациональных политических ценностей, образов и символов. К наиболее заметным политическим образам, позволяющим дифференцировать «нас» от «других» в пространственном и темпоральном плане, относятся образы «чужих», символизированные представления о национальных героях, образы прошлого (как героического, так и трагического) и будущего.

Обратимся к Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В соответствии с п. 4.2 общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества [5].

Современное политико-правовое пространство меняется достаточно стремительно под влиянием развития самого общества, новых технологий, средств коммуникации и т.д. Нельзя не отметить, что значительное влияние оказывает ставший сегодня масштабным и всеохватным процесс цифровизации.

Говоря о сегодняшнем состоянии государственной идентичности в условиях цифровой трансформации общества, следует принять во внимание два важных аспекта траектории развития социума.

Первый аспект – это тенденции, связанные с глобализацией и технологической революцией, которые привели к размыванию барьеров и границ, в том числе и идентичности, к феномену «человека мира». В таких условиях коммуникация, социальные связи, взаимодействие и объединение людей уже не зависят от их национальной принадлежности, происхождения, привязки к определенному типу локальности и т.п. В целом можно отметить существенные перестройки и в отношениях власть – общество. Как отмечает Ю.А. Красин, произошел социетальный переворот, суть которого состоит в изменении исторически сложившегося

распределения функций (государство представляет политическую власть в обществе, а гражданское общество, выражая многообразие частных интересов, влияет на формирование публичной политики), изменении конфигурации властного поля, развития инновационных процессов, соединяющих социальное управление со спонтанными механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования. Эти новые социальные практики властных отношений «возрождают прямую демократию, прямое влияние постоянно размышляющего общества на политические процессы; происходит становление более высокой формы народовластия, при которой политика погружена в контекст публичной рефлексии» [2, с. 51]. Наряду со снижением уровня традиционных форм политической активности, который отмечается во многих странах мира, развитие получают менее формализованные, неиерархизированные, основанные на спонтанной мобилизации конвенциональные формы политического участия (группы в Интернете, петиции по электронной почте и в социальных сетях, протестные акции и т.п.) [3].

Второй аспект связан с развитием цифрового пространства, которое погружает субъектов во всё более усложняющуюся и постоянно развивающуюся информационную, коммуникативную, культурную среду. Наравне с гражданами в эту сферу активно включаются государство и его институты: предоставление госуслуг в электронной форме и многие другие проявления электронного правительства, присутствие ключевых государственных лиц в социальных сетях, интернет-приемные, публичные онлайн-обсуждения принимаемых решений относительно важнейших вопросов развития страны, становление дистанционного голосования и т.д.

Таким образом, на формирование государственной идентичности комплексно и взаимно влияют как традиционные и реальные взаимодействия и институты, так и цифровые.

Однако нельзя не отметить значительную роль «цифрового фактора» – интенсивного развития новых информационно-коммуникационных технологий, влекущего за собой

радикальное переформатирование информационного ландшафта современной России. Очевидно, что указанный фактор оказывает все более явное влияние на динамику и внутреннее наполнение российской национальной идентичности, меняет «систему координат» самоидентификации российских граждан [4].

Возрастание скорости социальных и политических процессов приводит к формированию непостоянных, ситуативных идентичностей, и, как следствие, индивид находится в ситуации постоянного поиска «своих». При этом цифровое пространство может предложить человеку пестрое разнообразие культурных, этнических, социальных и прочих самых современных идентичностей. Проблема заключается в том, что такие «цифровые» идентичности могут подменять или со временем вытеснять национально-государственную идентичность. Подобные цифровые идентичности могут служить маркерами латентной напряженности социального, этнического и прочего характера, что способствует выявлению проблемных аспектов формирования национально-государственной идентичности на текущем этапе.

Наиболее восприимчивой к процессам цифровизации социальной группой является молодежь как наиболее активный пользователь информационно-коммуникационных услуг. Все более активное распространение цифровых технологий приводит к тому, что в настоящее время они становятся одним из ведущих инструментов формирования национально-государственной идентичности этой социальной группы.

В 2021 г. исследователями был проведен массовый опрос респондентов из субъектов с разным уровнем социально-экономического развития и цифровой инфраструктуры. Результаты показали, что современная молодежь (76,5 %) практически не читает художественную литературу (даже в электронном виде), но при этом 70,2 % опрошенных каждый день проводят в сети Интернет более 3 ч [1].

Принимая во внимание то, что чаще всего потребляется цифровой контент, легкий для восприятия, но имеющий низкую культурную ценность, а также то, что реальное общение

вытесняется виртуальным, прогнозы выглядят неутешительно, поскольку формируется «клиповое» и «сериальное» сознание и «кликное» поведение российской молодежи, что крайне негативно сказывается на процессе формирования национально-государственной идентичности молодежи.

Формируется определенная специфика политического восприятия, присущая поколению «цифровых аборигенов»; меняются представления о реальном мире; объективные оценки и восприятие становятся иллюзорными. В связи с этим появляются определенные угрозы манипулятивного воздействия на поведение, сознание, установки и ценности молодежи. Рост негативного влияния на мировоззрение молодежи, ее отчужденность от государства и общества, эгоцентризм приводят к разрушению нравственно-ценностной основы, участию в протестных движениях, сдерживают полноценное развитие личности [1].

Таким образом, необходимо комплексно подходить к вопросу формирования национально-государственной идентичности на современном этапе с учетом различных факторов, поскольку механизм сохранения самосознания населения как части единой нации и государства достаточно сложен и многоаспектен. При этом, несмотря на всеобщие тенденции глобализации, цифровой трансформации общества, направленные на разрушение и размывание традиционных основ отечественной государственно-правовой жизни, можно наблюдать как национальные, ментальные и культурно-исторические особенности политико-правовой мыследеятельности, социополитические модели продолжают себя воспроизводить не только в привычном реальном пространстве, но и в цифровой среде.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014

Библиографический список

1. Еремина, Е.В. Роль государства в формировании государственно-гражданской идентичности современной молодежи в условиях возрастания социализирующего воздействия информаци-

онных технологий / Е.В. Еремина, И.А. Мурзина, В.Н. Ретинская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-formirovanii-gosudarstvenno-grazhdanskoj-identichnosti-sovremennoy-molodezhi-v-usloviyah-vozhrastaniya>

2. Красин, Ю.А. Государство и общество: сдвиги во властном поле / Ю.А. Красин // Полис. – 2013. – № 5. – С. 51–59.

3. Санина, А.Г. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы / А.Г. Санина, А.В. Павлов // Управленческое консультирование. – 2015. – № 9 (81). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-identichnost-soderzhanie-ponyatiya-i-postanovka-problemy>

4. Титов, В.В. Российская национальная идентичность: вызовы цифровой эпохи / В.В. Титов // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-natsionalnaya-identichnost-vyzovy-tsifrovoy-epohi>.

5. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 52 ст. 7477.

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.

2.8. Социокультурные технологии формирования доверия в современной России*

Мордовцев Андрей Юрьевич

Цифровой этатизм выступает в качестве устойчивой тенденции к формированию суверенного цифрового пространства и политико-правовых рамок (доктрин, стратегий, нормативно-правовых актов, дорожных карт и т.д.), определяющих национально-ориентированный процесс развития

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022. – URL: <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>

сквозных цифровых технологий (систем ориентированного машинного обучения, технологий больших данных, платформенных решений, автономных роботизированных комплексов и т.д.).

В настоящий момент в принятых в Российской Федерации стратегических правовых документах закрепляются: *во-первых*, этические принципы в цифровой трансформации общественно-политических отношений, ориентированные на национально-культурный вектор развития цифровых технологий и становления информационного общества в России, обеспечение технологического суверенитета и безопасности информационного пространства страны; *во-вторых*, конвергационный (гибридный) сценарий публичной политики, предполагающий тесное взаимодействие политико-управленческой элиты с новой технологической элитой страны, развитие государственно-частного партнерства между государством, организациями и гражданами в сфере формирования «общества знания», стимулирования цифровых инноваций и разработки прорывных технологических решений; *в-третьих*, смешанный подход регуляторной политики, призванный задействовать потенциал различных социально-нормативных и технических регуляторов – права, нравственности, этических и моральных норм, технических стандартов и разнообразных деонтологических кодексов, формирующих новый формат социально-технологического кодирования процессов цифровой трансформации российского общества.

Здесь заметим, что эффективность и комплексность социального нормирования сложных и неоднозначных процессов цифровой регуляции возможны только в том случае, если все социально-нормативные регуляторы действуют относительно гармонично, а доктринальные, правовые, этические нормы и стандарты «опираются» на сложившуюся и воспроизводящуюся в обществе ценностно-нормативную систему, в противном случае последние становятся весьма

абстрактными, культурно индифферентными, недействительными/искусственными «норма-образованиями» [2].

В действующей Стратегии развития информационного общества до 2030 г. говорится, что формирование в России «общества знания» должно реализовываться на основе национальных интересов, т.е. гармоничном обеспечении интересов личности (развитие человеческого потенциала, безопасности граждан и т.д.), общества (гуманитарное и культурное пространства России, сохранение ценностно-нормативной системы общества, традиционных/аналоговых форм обмена и проч.) и государства (безопасность информационного пространства и цифровой коммуникации как неотъемлемый элемент суверенитета государства). При этом Стратегия доктринально определяет принципы формирования законных и разумных режимов «сбора, накопления и распространения информации о гражданах и организациях», что должно уже на законодательном уровне воплотиться в особые правовые режимы регламентации данных процессов в экономической, политической, культурной и других сферах [3].

Схожие положения о национальном суверенитете информационного пространства, сохранении культуры, традиционных ценностей российского общества, «общероссийской идентичности» народов РФ, формировании «безопасной информационной среды на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» присутствуют и в ряде других доктринальных актов. Важно подчеркнуть, что в настоящее время разворачивается глобальная конкуренция не только в развитии сквозных цифровых технологий и прорывных платформенных решений, но и в формировании действенных политико-правовых моделей управления процессами цифровизации, доктринальных и этических форм кодирования данных процессов, обеспечивающих не только стабильность общественного развития, но и его безопасность.

Сегодня у России есть все, чтобы обеспечить свой цифровой суверенитет. По уровню образования населения Россия входит в число самых образованных стран мира, а изобретателей в нашей стране больше, чем в какой-либо другой стране мира [1]. Но насколько наша страна обеспечена кадрами специалистов области IT-технологий? Каков уровень их квалификации? Хватит ли имеющихся российских специалистов в этой области, чтобы провести цифровую трансформацию всей России на должном научно-техническом уровне? Ответов на эти вопросы пока нет.

Цифровое управление обществом возможно только на основе сложной системы, которая нуждается в высоком уровне технологической устойчивости, гарантирующей от частых сбоев, в удобных для пользователей требованиях доступа к электронным услугам, чего в России в целом еще нет. Во многих регионах уровень цифровой грамотности продолжает оставаться низким. Согласно данным Фонда общественного мнения 22% россиян никогда в жизни не пользовались Интернетом [4]. Не разработаны четкие критерии эффективности функционирования цифрового правительства.

Цифровая демократия, которая развивается по мере расширения деятельности цифрового правительства, достаточно уязвима к воздействию извне с целью противоправного получения информации. Такая опасность возникает из-за отсутствия достаточной защиты данных. Каким образом будет обеспечена кибербезопасность и особые правовые режимы безопасности и защиты данных пользователей, о которых много говорится, например, в планах московских властей, пока не ясно.

В контексте совершенствования государственной политики в сфере цифровой трансформации общества и технологического развития необходимо:

а) целевое стимулирование развития общественно-политических институций, действенных механизмов и инструментов, обеспечивающих реальный социально-правовой контроль, мониторинг институтами гражданского

общества стандартов (правовых, этических, технологических и др.) безопасной разработки, внедрения и эксплуатации цифровых технологий и алгоритмических решений в интересах человека и общества;

б) разработка стандартизированных алгоритмических систем, которые предустанавливаются в каждую систему искусственного интеллекта (ИИ) в обязательном порядке, который обеспечивает открытость и общедоступность информации о принятии тех или иных решений системой ИИ, выявляет дефекты последней (предубеждения систем и другие сбои) и сигнализирует о них;

в) создание механизмов обратной связи, с помощью которых граждане могут высказывать свои опасения или негативный опыт о тех или иных действиях цифрового сервиса (как государственного, так и негосударственного) и передавать свои предложения в органы государственной власти через общественные комиссии. Гражданский контроль за работой цифрового управления должен быть тщательно продуман, не только ограничивать использование властью персональных данных физических лиц и искусственного интеллекта, но и позволять органам государственной власти внедрять инновации в повседневную жизнь общества. Введение в действие правил и механизмов подотчетности убедит граждан в том, что цифровое правительство ответственно и этично;

г) алгоритмический мониторинг и машинное регулирование цифрового взаимодействия (машинное право, алгоритмические требования и стандарты и т.д.), направленные на обеспечение функционирования социально-технологических, этических, правовых и других норм и стандартов, осуществляются автоматизированными алгоритмическими системами.

В целом развитие системы цифрового государственного управления России направлено на то, чтобы оказывать действенную помощь в решении ряда социальных проблем. Как и в развитых странах мира, для его деятельности характерны такие признаки, как открытость, доступность, про-

зрачность, удобство и простота использования. Грамотно организованное цифровое управление поможет сэкономить ресурсы, минимизировать административные методы работы чиновников государственного аппарата, так как при цифровом правительстве граждане не имеют прямых контактов с ними, а основные транзакции идут через Интернет. Данный фактор может позитивно повлиять на снижение коррупции государственного аппарата.

Однако практическая реализация государственной политики цифрового управления в России может создать существенные проблемы и трудности. Особенно важно не допустить реализации перспективы превращения человечества в управляемое каким-то властным субъектом автоматизированное сообщество. Эта проблема может быть решена путем укрепления и развития демократических институтов и инструментов их функционирования, прежде всего, при наличии в обществе эффективного гражданского контроля и высокого уровня гражданской культуры. Если взаимодействие людей и власти при цифровом государственном управлении будет построено на максимальной прозрачности, уважении к культурным и социальным различиям, информационные системы превратятся в децентрализованные объекты. Доступ к ним будет обеспечен участием многих в процессах распространения сведений, а поведение пользователей станет реализацией норм цифровой грамотности. В этом случае граждане смогут повлиять на системы цифрового управления социальными процессами, будут оказывать прямое и косвенное давление на практики правовой регуляции онлайн-жизни.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014

Библиографический список

1. Алиев, Э. В России больше изобретателей, чем в какой-либо другой стране мира. – URL: <https://istu.ru/news/zhizn->

universiteta/eldar-aliev-v-rossii-bolshe-izobretateley-chem-v-kakoy-libo-drugoy-strane-mira (дата обращения: 25.10.2022).

2. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – Москва: Норма, 2011.

3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 01.10.2022).

4. ФОМ: 22 % россиян ни разу в жизни не пользовались Интернетом. – URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200522-fom-22-rossiyan-ni-razu-v-zhiz> (дата обращения: 25.12.2022).

2.9. Использование цифровых технологий в совершенствовании государственного управления

Сикач Артем Сергеевич

На сегодняшний день цифровой мир вошёл в жизнь общества; за счёт цифровых технологий у граждан имеется много возможностей для удовлетворения собственных потребностей. Вместе с этим меняется жизнь не только общества, но и государства.

Это связано с тем, что вследствие реформирования системы государственного управления возрастают возможности применения цифровых технологий органами исполнительной власти [3, с. 43] благодаря повышению общего тренда уровня прозрачности органов власти, заключающейся в создании властью условий для повышения информационной открытости деятельности государственных органов и доступа граждан к информации о принятии и реализации управленческих решений на всех этапах [2], а также заключающейся в том, что этот процесс становится основанием для привлечения населения к обсуждению и принятию управленческих решений и обеспечивает возможности для осуществления контроля за их исполнением [1].

Если говорить о возможностях цифровизации в сфере государственного управления, то она предназначена для дальнейшего взаимодействия граждан с государственной властью посредством цифровых технологий. Предполагается замена инструмента, а также изменение в системе государственного управления – «переход к новым технологиям организации государственного управления и экономики, что заслуживает безусловной поддержки» [4]. Цифровизация в сфере государственного управления также предназначена для совершения качественного рывка в процессе управления, что приведёт к уверенному экономическому росту страны [5, с. 10]. Вектором взаимодействия государства и субъектов управления становится электронное взаимодействие. Развитие цифровых технологий и цифровых платформ обеспечивает: сокращение временных и административных затрат при предоставлении государственных и муниципальных услуг; осуществление контрольно-надзорных функций; совершенствование внутри функциональных связей государственных и муниципальных органов. Благодаря цифровым технологиям в государственном управлении значительно улучшаются показатели качества и скорости обслуживания граждан и бизнеса, растёт уровень доступности, технологичность государственных услуг, надёжность их результата. Например, в России уже созданы и активно работают многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг. Всего в центрах «Мои документы» предоставляются 29 услуг федерального уровня и 100–150 региональных и муниципальных услуг в основном в сфере обеспечения.

С 2009 г. работает Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг/функций» (ЕПГУ) как ресурс, который ориентируется на информирование населения и юридических лиц о государственных и муниципальных услугах, функциях, включая электронные ресурсы, которые выпол-

няются федеральными и муниципальными ведомствами. ЕПГУ предоставляет гражданину следующие возможности:

- 1) получение информации о государственных и муниципальных услугах;
 - 2) заказ госуслуг в электронной форме;
 - 3) подача заявления о внесении изменений в личные данные;
 - 4) запись на приём в ведомство;
 - 5) оплата любым электронным способом штрафов Госавтоинспекции, судебных и налоговых задолженностей, госпошлины, услуг ЖКХ;
- б) оценка качества предоставления госуслуг.

В настоящее время на ЕПГУ зарегистрировано уже 64,6 млн человек. По данным ведомства за 2017 г., через портал и приложения было оказано 1,3 млрд услуг, совершено 25,7 млн успешных платежей на 30,3 млрд руб., 303,4 млн запусков мобильного приложения. Эти цифры более чем втрое превышают показатели за аналогичный период 2016 г. Столь активный рост числа пользователей инициирован электронным правительством: с 1 января 2017 г. при оплате госпошлин и госуслуг через портал ЕПГУ введена скидка в 30 % [6].

Работает портал «Открытые данные России» – инструмент реализации государственной политики в области открытых данных, которому отводится роль ядра экосистемы открытых данных Российской Федерации. На портале сосредоточены наиболее актуальные сведения об открытых данных федеральных и региональных органов власти и иных организаций, размещаются документированные наборы данных, ссылки и метаданные опубликованных наборов данных, информация о созданных на основе открытых данных программных продуктах и информационных услугах. Здесь же публикуются нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность государственных органов по раскрытию данных, методические и публицистические ресурсы. На портале реализованы коммуникационные интер-

фейсы для взаимодействия с организациями, выступающими в качестве владельцев социально значимой информации. Количество наборов открытых данных – 21 616 (8696 – федеральный уровень, 9626 – региональный уровень, 3294 – муниципальный уровень), количество активных организаций – 976; количество публикаторов – 1879 (федеральных – 952, региональных – 139, муниципальных – 733, других – 56); количество зарегистрированных пользователей – 7715; количество запросов на открытые данные – 422; количество созданных материалов – 224 666 [6].

Функционирующая государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ) характеризуется 92 305 зарегистрированными организациями, 1 391 616 многоквартирными домами, 18 278 565 жилыми домами. Согласно оценкам Минстроя, на начало 2018 г. ежегодный объем платежей за коммунальные услуги только со стороны граждан составил порядка 4,1 трлн руб.; число пользователей ГИС ЖКХ уже превышает 1,5 млн человек. Всего через ГИС проведено свыше 980 млн платежей, в том числе платежи со стороны физических лиц 50 000 операций по оплате коммунальных услуг на 135 млн руб. [7].

Электронное правительство выступает единой системой межведомственного электронного взаимодействия органов власти. Специалисты говорят о появлении электронного правительства, характеризуя его как новую форму государственного управления, основанную на информационно-коммуникационных технологиях и ориентированную на «эффективное, быстрое и прозрачное предоставление информации гражданам, а также органам государственной власти для обеспечения успешного функционирования государства». Помимо того, что за счёт цифровых технологий взаимодействуют государство и общество, для общества упростили задачу по оказании государственных услуг. Интернет сделал граждан более осознанными, повысил их заинтересованность в управленческих решениях, непосредственно влияющих на их жизнедеятельность и окружающий

мир. Это справедливо, в первую очередь, по отношению к молодому поколению. Так, на муниципальных выборах в Москве в 2017 г. количество молодых кандидатов (до 35 лет) увеличилось на 22% по сравнению с кампанией 2012 г. [8].

Цифровые технологии – реальная возможность для граждан напрямую воздействовать в режиме реального на решения, имеющие к ним непосредственное отношение. Это может стать началом формирования цифровой культуры участия граждан в деятельности органов государственного и муниципального управления посредством ведения онлайн-дискуссий, направленных на поиск компромисса. Современное общество и государство должны иметь возможность для ведения непрерывного диалога, обеспечения эффективного взаимодействия с гражданами, что является важнейшей задачей государства. Постоянное взаимодействие органов исполнительной власти с заинтересованными гражданами позволит взглянуть на проблему под другим углом и найти новое нетривиальное решение.

Таким образом, цифровизация в государственном управлении настолько упростила жизнь всего общества, а также государства в целом, что появилось множество возможностей для граждан и органов исполнительной власти во взаимодействии между собой по решению того или иного вопроса. Наука не стоит на месте; она начинает набирать всё больше оборота в развитии цифровых технологий, а также их внедрении в различные сферы профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Романенко, Е.А. Транспарентность государственного управления как условие стабильности государства / Е.А. Романенко // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2014. – № 3 (4). – С. 4.

2. Тованцова, Е.Н. Транспарентность власти как основа формирования положительного имиджа органов государственного управления / Е.Н. Тованцова, И.Н. Шлеверда // Гуманитарные,

социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 81.

3. Эволюция цифрового управления в органах исполнительной власти / под ред. Т.Б. Ивановой; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 152 с.

4. Иванов. В.В. Цифровая экономика: от теории к практике / В.В. Иванов, Г.Г. Малинецкий // Инновации. – 2017. – № 12. – С. 3–12.

5. Косолапова, Д.И. «Проблемы и перспективы цифровизации государственного управления на региональном уровне»: выпускная квалификационная работа / УФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2021.

6. Госуслуги. – URL: gosuslugi.ru (дата обращения: 07.11.2018).

7. Бытовые цифровые. Как граждан приучают платить за услуги ЖКХ онлайн. Еженедельный «Ъ». – URL: kommersant.ru (дата обращения: 19.10.2018).

8. Выборы в Москве прошли при низкой явке и масштабном надомном голосовании // РБК. – 2017. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/09/2017/59b554> (дата обращения: 17.05.2021).

2.10. Доверие к государственным институтам как фактор противодействия экстремистской деятельности

Ступельман Леонтий Алексеевич

Гражданское общество всегда выступало не только значимым для правового регулирования явлением, но и инструментом достижения как правомерных, так и противоправных целей. Каждый гражданин, наделенный уникальным набором черт, взглядов и образом мышления, тем или иным образом оказывает влияние на общественные процессы, будь то простое бездействие или активные действия, имеющие строго определенную направленность.

Не всегда граждане оказывают положительное влияние на общество и показывают свое уважительное отношение к праву, другим гражданам, обществу и государству в целом. Среди противоправных явлений, которые несут этот самый негативный эффект для всего перечисленного, выступает экстремистская деятельность, имеющая различные формы своего проявления и не менее различные формы вовлечения граждан в эту деятельность. Актуальность борьбы с данным явлением обусловлена тем фактором, что экстремистская деятельность наносит глобальный вред общественным отношениям и функционированию государственных институтов, которые, как следствие, подрывают стабильность государства в целом. Большое влияние на сам факт возникновения такой деятельности, масштабов ее последствий оказывает отношение граждан к государственным институтам, как адресно, так и в общем.

Отношение между гражданами как субъектами реализуется посредством их взаимодействия, которое невозможно себе представить без личностного и внутреннего восприятия каждым гражданином другого. Граждане как личности оценивают поведение своего собеседника (контрагента), делают выводы о возможных последствиях взаимодействия с ним. Из всего этого в конечном счете рождается определенное доверие, которое распространяется не только на отношения граждан, но и на оценку гражданами деятельности государственных институтов, которые также взаимодействуют с гражданами в тех или иных формах:

- обращение с целью получения правового документа;
- обращение с целью получения помощи (медицинской, правовой и др.);
- обращение с целью защиты прав и законных интересов (правоохранительная деятельность, судопроизводство и др.) и проч.

Несмотря на тот факт, что государственный орган, если рассматривать его как юридическое лицо, является фикцией, где с гражданами взаимодействуют конкретные должност-

стные лица, доверие к нему формируется именно на основе работы этих самых лиц и получения оценки со стороны граждан.

Государственные институты, что логично, являются отражением политики государства, как внутренней, так и внешней, а потому на основе взаимодействия с этими институтами граждане формируют целостное представление о том, как государство относится к правам и законным интересам своих граждан, обеспечению соблюдения и защиты их прав. В последнем большую значимость играют правоохранительные органы, работа которых с различными правонарушениями и преступлениями является показателем эффективности функционирования правозащитного механизма, что очень важно для граждан.

Экстремистская деятельность, если обратиться к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», – это сугубо негативное явление, в основе которого лежит неуважение к государству, органам власти, самому обществу, гражданам, ценностям [3]. Причины такого неуважения могут происходить из-за отсутствия доверия граждан к органам государственной власти. Это, в свою очередь, может быть обусловлено несколькими факторами:

- 1) низким уровнем правосознания и правовой культуры самих граждан;
- 2) нарушением прав и законных интересов граждан при осуществлении органами государственной власти своей деятельности (как путем действий, так и бездействием);
- 3) низким уровнем контроля за деятельностью органов государственной власти и др.

Если первый фактор свойствен отдельным гражданам и базируется на совокупности других факторов, таких как воспитание, образование и т.д., то остальные факторы являются следствием отношения представителей органов государственной власти к своему статусу, гражданам и обществу в целом. Сложно представить себе ситуацию, чтобы

гражданин, обратившийся за защитой своего права на жизнь (например, гражданину угрожал неадекватный сосед в многоквартирном доме, делал это демонстративно и с применением различных предметов) и в итоге не получивший эту защиту (вызванные гражданином сотрудники полиции не приехали на вызов или приехали, но не сделали ничего с неадекватным соседом), продолжал относиться так же к правоохранительным органам, как и до данного инцидента. Когда гражданин становится свидетелем того, что его права и законные интересы государство не в состоянии защитить, доверие к государству автоматически подрывается, и чем чаще случаются подобные ситуации, тем быстрее доверие исчезает. Это, в свою очередь, ведет к низкой правовой культуре, правовому нигилизму, что очень благоприятно сказывается на противоправных явлениях, особенно на распространении экстремизма.

Экстремизм известен тем, что он, как правило, способен привлечь к себе внимание большого числа граждан. Лица, которые осуществляют такую деятельность, разделяют идею о несостоятельности государства и его органов, невозможности нормально сосуществовать с гражданским обществом, уважать права и законные интересы граждан, а потому видят способ «борьбы» с этим в такой критической и, что не менее важно, противоправной деятельности [2, с. 106]. Экстремистскую деятельность могут вести как группы граждан, так и индивиды, но, как правило, самая идея, лежащая в основе этой деятельности, может оказывать влияние на умы многих граждан. Примером такой идеи можно считать неуважение к Президенту Российской Федерации и его деятельности, что часто является предметом для оживленных дискуссий. Так, Кемеровским областным судом была рассмотрена жалоба гражданина, оставленная в итоге без удовлетворения, который на своем канале на видеохостинге «YouTube» разместил доступное для всеобщего обозрения видео, где высказал неуважение и недоверие к Президенту, его

деятельности с использованием нецензурных выражений, за что был привлечен к ответственности [4].

Именно недоверие к государству играет большую роль в том, что экстремизм – это явление глобальное, обладающее катастрофическим уровнем общественной опасности. Катализатором роста этого явления может быть любая погрешность, которую может допустить государство в процессе своей деятельности, любой акт, свидетельствующий о неуважении прав и законных интересов граждан.

Для того чтобы взаимодействие государства и граждан было на надлежащем уровне, одной борьбы с экстремистской деятельностью и ее последствиями недостаточно для устранения почвы, из которой она произрастает. Здесь стоит понять, что если государство борется только с последствиями, но не первоисточником – своими внутренними проблемами, то и экстремистская деятельность будет и снова и снова проявлять себя, искать новые способы «борьбы» с неспособностью государства. В условиях развивающегося цифрового общества такие способы уже давно вышли за рамки привычного: различные электронные площадки, социальные сети и сама сеть Интернет всюду используются для достижения противоправного результата [1, с. 320], но способы борьбы с этим и контроля цифрового пространства не могут отличаться аналогичной эффективностью.

Для того чтобы укрепить доверие к государственным институтам со стороны граждан, в первую очередь, изменения должны произойти в деятельности самих органов государственной власти путем:

- ужесточения контроля за деятельностью органов государственной власти («прозрачность» отчетности, ужесточение взысканий за халатность и безответственность должностных лиц и т.п.);

- периодической и принудительной переподготовки кадров с целью повышения уровня правосознания, правовой культуры;

- вовлечения граждан к оценке деятельности органов государственной власти и их должностных лиц;
- проведения органами государственной власти культурно-просветительских мероприятий по тематике противодействия экстремистской деятельности.

Важно понимать, что доверие граждан всегда строится на том, как органы государственной власти реагируют на их проблемы, какие способы решения предлагают. Именно поэтому ключевым моментом является проявление инициативы со стороны самого государства, так как у граждан сведется к минимуму повод усомниться в лояльности государства, а потому и риск проявления экстремизма снизится соответствующим образом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что доверие к государственным институтам оказывает колоссальное влияние не только на их деятельность, но и потенциальную возможность граждан быть вовлеченными в противоправную деятельность, направленную против интересов самого государства.

Библиографический список

1. Люев, Р.Х. Технологии распространения идеологии экстремизма и терроризма в глобальном информационном пространстве / Р.Х. Люев // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 319–323.
2. Нагорный, А.П. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России / А.П. Нагорный, А.Н. Попов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 1. – С. 105–115.
3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: принят Гос. Думой 27 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. [ред. от 14 июля 2022 г.] // Российская газета. – 2002. – 30 июля (№ 138, 139).
4. Решение Кемеровского областного суда от 19 августа 2020 г. по делу № 12-354/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NqCtvvqOG9Wg/> (дата обращения: 30.09 2022).

2.11. Информационно-психологический подход к формированию доверия к институтам государственной власти: проблемы и перспективы в цифровую эпоху*

Уханов Антон Дмитриевич

В условиях цифровизации ключевую роль в повышении доверия к государственным институтам играет информационно-психологический подход, который следует отличать от обычного информирования о деятельности органов власти (информационный подход). Последнее напрямую связано с логикой «открытости», «прозрачности», «доступности» и проч. любой социально-политической, в том числе государственно-властной, системы. Мировоззренческой основой такого подхода является: во-первых, рационализация (в значении М. Вебера), т.е. представление о крушении иррациональных оснований государственной власти и ее деятельности, её функционирование с опорой на четкие, общедоступные и проверяемые правила как основание легитимности [2]; во-вторых, либерально-демократический подход, предполагающий подотчетность государственной власти гражданскому обществу, условием которой является информирование избирателей о деятельности своих избранников.

С инструментальной точки зрения открытость является технологией противодействия должностным правонарушениям (коррупционные правонарушения, превышение полномочий и т.д.), бюрократизму и проч.

Информационно-психологический (пропагандистский) подход при внешней схожести на информирование отличается от него сущностной деталью. При информационно-психологическом воздействии объекту транслируются не

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022. – URL: <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>

факты, которых, как представляется с точки зрения информационного подхода, достаточно «сознательному субъекту» для принятия решения, а некоторые ценности и смыслы, ориентирующие субъекта в определенном направлении и формирующие у него выгодную создателю информации позицию [1].

В силу специфики функционирования цифровой среды (её сетевой, децентрализованный характер, потенциально предоставляющий доступ для любого агента на неограниченный рынок свободно «курсирующей» информации) возрастает не доля информированности об обществе и государстве («прозрачности»), а стремительно растёт удельный вес ценностно нагруженной информации, которая предоставляет не набор факторов, а готовый смысл. Таким образом, имеющаяся информация о фактах «тонет» в многообразии смыслов, интерпретаций, точек зрения, ценностей, установок и т.д., которые транслируются через цифровое пространство различными субъектами, как институционализированными (партии, движения, государственные структуры и проч.), что предполагает наличие некоторой относительно устойчивой «линии», так и неинституционализированными (авторские каналы, журналисты, «обыватели», блогеры и проч.).

Видится, что деятельность, направленная на повышение доверия к государственным институтам, в этих условиях может включать в себя как минимум две взаимосвязанные стратегии.

Во-первых, прагматическая стратегия (краткосрочная), состоящая в «акселерации» процесса цифрового сетеобразования и дробления смыслового поля цифрового пространства на неограниченное количество фракций, сообществ, групп и проч. Государственные институты в этих условиях остаются устойчивыми образованиями, возвышающимися над интернет-баталиями, поддерживаемыми сетевыми дискуссиями, внутренними спорами маленьких групп и т.д. В дополнение к этому государственные институты совершают реальные действия, а не плодят дискуссии и рассуждения о них.

К недостаткам стратегии относится то обстоятельство, что в долгосрочной перспективе устранение государства из сферы, где фактически протекает большая часть современного социального взаимодействия, может привести не только к потере доверия государственных институтов, но и к падению их социальной значимости. Это возникает в силу того, что любое решение социальных проблем конкретных людей будет осуществляться через цифровую сферу без посредничества государства (поиск единомышленников, локальные акции, помощь и проч.), что в целом вызовет подрыв легитимности.

Во-вторых, цифровая ценностно-идеологическая (собственно информационно-психологическая) стратегия, ориентированная на то, что государство начинает распространять своё влияние в цифровом пространстве (в данном контексте государственное влияние, связанное с «суверенизацией» сети, распространением правовых норм на внутрисетевое взаимодействие и проч.), рассматривая эту среду в качестве площадки, через которую можно и нужно транслировать определенные ценности и смыслы, принятие которых могло бы повысить уровень доверия к государственным институтам.

К цифровой ценностно-идеологической стратегии относится проведение «операций» по нейтрализации понижающих доверие смыслов и ценностей, по их маргинализации и дискредитации. Следует отметить, что в целом для данной стратегии характерен полувоенный жаргон («информационные операции», «информационные войны» и проч.).

К очевидным и наиболее пагубным для доверия к государственным органам недостаткам данной стратегии относится несовпадение декларируемых ценностей и смыслов с фактическим положением дел. В случае если предлагаемая и продвигаемая государственными агентами в цифровой среде интерпретация действий государственных органов окажется недостаточно убедительной, то легитимность государственных институтов будет поставлена под сомнение, учитывая, что множество инфоповодов, трудозатратность формирования качественного убедительного контента, а также скорость ин-

формационно-психологического воздействия, осуществляемого в сети со стороны иных акторов, варианты развития событий, подрывающие доверие к государственным институтам, представляются весьма вероятными.

В качестве гипотетической стратегии можно предположить формирование интегративного подхода к формированию доверия к государственным институтам в условиях цифровизации, который совместил бы в себе элементы информационного и информационно-психологического подходов.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014

Библиографический список

1. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс. – Санкт-Петербург, 2022. – 224 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва, 1990. – 808 с.

2.12. Доверие между гражданами и государственными институтами как фактор развития международных отношений в области обеспечения соблюдения прав человека

Чебыкина Маргарита Викторовна

Исторически сложилось так, что в любом государстве большую роль для эффективного правового регулирования общественных отношений и организации деятельности органов государственной власти играет доверие, складывающееся между гражданами этого государства и самими органами власти. Данный феномен подразумевает не только простое следование установленным нормам закона, но и уважительное отношение к правам и законным интересам гражданам, понимание отдельных специфических ситуаций

и ряд других аспектов, из которых формируются доверительные отношения.

Безусловно, доверие граждан к государственным институтам складывается не только на национальном, но и на международном уровне, особенно тогда, когда гражданин одного государства взаимодействует с тем или иным органом государственной власти уже другого государства. И не только для самих граждан, но и для представителей власти становится важным поддержание максимального уровня взаимопонимания, взаимоуважения и соблюдения взаимных прав и исполнение обязанностей, для того чтобы доверие складывалось надлежащим образом.

Доверие, как правило, не только как юридическое явление, но и чисто межличностное формируется не сразу, а по прошествии какого-то периода времени, который для каждого отдельно взятого гражданина может отличаться от другого: одному гражданину для формирования своего отношения к государственному институту необходимо длительное взаимодействие с ним, а для другого – достаточно одного, но полноценного, дающего представление о работе соответствующих лиц, наделенных полномочиями в рамках деятельности органов государственной власти. Поэтому для органов государственной власти важно не только строго следовать инструкциям или приказам, но и проявлять индивидуальный, сугубо человеческий подход при работе с гражданами.

Одно из направлений, где требуется такой подход, это обеспечение прав человека, что является важным для каждого современного государства. Реализация данного направления возлагается не на отдельный орган государственной власти, а на всю систему, по причине того что фактически каждый орган государственной власти связан в процессе своей деятельности с тем или иным правом. Например, правоохранительные органы тесно связаны с обеспечением такого права, как право на жизнь (защита граждан от опасности); органы, связанные с регулированием трудовых от-

ношений, – с правом на справедливые и благоприятные условия труда [2] и т.д. И то, как эффективно государственные органы обеспечивают соблюдение прав человека, определяют и уровень доверия гражданам к этим органам.

Однако если обратиться к работам современных исследователей, то можно увидеть не самую позитивную картину, связанную с доверием граждан к государственным институтам. В качестве показательного примера, затрагивающего и зарубежный аспект этого вопроса, была проанализирована работа Д.Г. Макаренко, в которой автор привел следующие статистические данные: «Среди опрошенных россиян 33 % не доверяют политическим партиям, которые должны реализовывать принципы демократии, представлять и защищать в органах власти интересы различных слоев и групп общества, однако не реализуют эти функции; 27 % не доверяют правоохранительным органам; 26 % – законодательному органу власти и 26 % – местным органам власти.

Следует отметить и достаточно низкую поддержку гражданами России органов, обеспечивающих законность, справедливость и правопорядок в социуме: лишь около 25 % россиян полностью доверяли этим институтам в течение последних 10 лет» [3, с. 22].

Из зарубежных стран, в которых уровень доверия значительно отличается от приведенных показателей, Д.Г. Макаренко обозначил следующие (применительно к доверию к судебной системе): Данию, Норвегию, Финляндию и Швейцарию (60 % доверия). Самый большой процент недоверия (80 %) автор приписывает Украине.

Стоит согласиться с утверждением автора о том, что Россия существенно отстает по уровню доверия от других стран, что на самом деле является крайне негативной ситуацией.

В работе авторов Ю.М. Большаковой, С.Н. Большакова и Р.И. Ушакова также был проведен аналогичный анализ, но применительно исключительно к одному субъекту Российской Федерации – Республике Коми. Авторами были

получены следующие данные: «В сумме 49,9% не одобряют и «скорее не одобряют» деятельность губернатора (главы) Республики Коми, 24,5% респондентов скорее одобряют и однозначно одобряют деятельность главы Республики. Здесь вызывает тревогу, что данные негативные оценки были получены от той социально-профессиональной группы, которая в значительной мере представлена региональными гражданскими служащими и/или бюджетниками, напомним, что это 28% государственных или муниципальных служащих, 29% работников государственного учреждения» [1, с. 85, 86].

Авторы отмечают, что респонденты были из числа работников этих же самых органов государственной власти.

Приведенные показатели наталкивают на рассуждения о том, в чем заключаются причины такого низкого уровня доверия в России, но сравнительного высокого в зарубежных странах. В первую очередь, причина в человеческом факторе, который применительно к отечественным государственным институтам можно охарактеризовать как отличающийся значительной степенью халатности, безответственным подходом представителей органов государственной власти. Безусловно, данная ситуация возможна и в других государствах, но рассмотренные ранее исследовательские работы свидетельствуют о том, что за рубежом все-таки несколько иная и более положительная ситуация.

Из халатности и безответственности, как следствие, вытекает вторая причина – отсутствие должного контроля за недопущением такого поведения. Для граждан это крайне важно потому, что при нарушении их прав необходим механизм защиты и восстановления этих прав, в том числе в ситуациях, когда права нарушены взаимодействием с органом государственной власти. Когда такой механизм не работает, у граждан формируется негативная оценка не только деятельности органа, но и того субъекта, который должен был бы принять меры для устранения нарушения, но делать этого не стал или сделал это ненадлежащим образом. Вместе с халатностью и безответственностью отсутствие кон-

троля создает благоприятную почву для стремительного роста недоверия, что влечет ряд негативных последствий, в том числе и тяжелых, таких как грубое неуважение к закону. Кроме того, снижение недоверия внутри государства к его институтам может проецироваться и на международном уровне. Например, посещение гражданина одного государства территории другого такая ситуация может выразиться в разжигании международных конфликтов, не говоря о том, что граждане одного государства осознанно захотят покинуть родное только из-за того, что уровень недоверия к власти достигнет своего предела. Это, в свою очередь, ведет к упадку культурных ценностей, патриотизма, вынуждая граждан отдавать предпочтение правопорядку другого государства.

Отдельного внимания заслуживает коррупция, которая также негативно сказывается на доверии граждан к государственным институтам. Объясняется это и рядом практических ситуаций, когда граждане, которые не в состоянии разрешить какие-то проблемы, вынуждены обращаться за решением в органы государственной власти, но не в законном порядке, а посредством передачи материальных ценностей или осуществления каких-либо имеющих выгоду действий в интересах представителей власти. Возможны ситуации, когда коррупционные схемы умышленно направлены на ущемление материального статуса граждан, а также психологическое воздействие, что также носит исключительно негативный характер.

Все приведенные ситуации свидетельствуют о том, что для доверия граждан к государственным институтам, в первую очередь, необходима кардинальная работа над деятельностью самих институтов, и не только с правовой, но и организационной точки зрения. При этом важным для улучшения качества деятельности государственных институтов в России будет обращение внимания на механизмы регулирования зарубежных стран. Надо понимать, что особенности правового регулирования не всех стран позволят пере-

нять определенный опыт. Объясняется это хотя бы тем, что система санкций за нарушение прав человека в зарубежных странах может быть значительно суровее, чем в России. Однако могут быть учтены, например, способы контроля за деятельностью представителей органов государственной власти, механизмы взаимодействия с гражданами и др. В эпоху цифровизации последнее играет одну из наиважнейших ролей, так как традиционное «живое» взаимодействие граждан и органов государственной власти постепенно утрачивает свою актуальность, а электронный формат, наоборот, актуализируется. Кроме того, для граждан важно и повышение уровня открытости деятельности органов государственной власти, и реализация контрольных мероприятий за недопущением нарушений и прав. И только тогда уровень доверия граждан в России сможет приблизиться к аналогичному в зарубежных странах.

Библиографический список

1. Большакова, Ю.М. Трансформация института «доверия» в современном обществе: вызовы экономике и угрозы системе государственного управления / Ю.М. Большакова, С.Н. Большаков, Р.И. Ушаков // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 7. – С. 81–92.
2. Драганчук, А.С. Права человека / А.С. Драганчук, Г.Ж. Бальтанова // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – Спецвып. № 5. – С. 1–4.
3. Макаренко, Д.Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти / Д.Г. Макаренко // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 2. – С. 21–26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарь Полина Сергеевна, студентка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва). E-mail: pollbony@yandex.ru

Жмуров Дмитрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Байкальский государственный университет (Россия, г. Иркутск). E-mail: zdevraz@ya.ru

Кенден Чимис Аясовна, магистрант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Новосибирск). E-mail: chimis9903@gmail.com

Ким Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и права, Владивостокский государственный университет (Россия, г. Владивосток). E-mail: Aleksandr.Kim@vvsu.ru

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет. E-mail: mamychev@yandex.ru

Маркина Алена Алексеевна, магистрант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президи-

денте Российской Федерации (Россия, г. Новосибирск). E-mail: varlaloyna10@gmail.com

Матюк Юлия Сергеевна, ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет (Россия, г. Владивосток). E-mail: Yuliya.Matyuk@vvsu.ru

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет (Россия, г. Владивосток). E-mail: andreymordovtsev2020@gmail.com

Ступельман Леонтий Алексеевич, магистрант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Новосибирск). E-mail: leontiy1975@bk.ru

Сикач Артём Сергеевич, студент юридической школы Дальневосточного федерального университета (Россия, г. Владивосток). E-mail: sikach.as@students.dvfu.ru

Уханов Антон Дмитриевич, ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет (Россия, г. Владивосток). E-mail: ad.ukhanov@vvsu.ru

Чебыкина Маргарита Викторовна, магистрант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Новосибирск). E-mail: rita.chebykina.99@mail.ru

Научное издание

**ДОВЕРИЕ
К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

МОДЕЛИ И ТИПОЛОГИЯ РИСКОВ

Монография

Под общей редакцией
д-ра полит. наук А.Ю. Мамычева
Редактор И.Г. Шабунина
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано в печать: 26.05.2023. Сдано в издательство: 15.03.2023.

Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать цифровая.

Усл.-печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 10,00

Тираж 500 [I–100] экз. Заказ 348

Владивостокский государственный университет
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ВВГУ
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

ISBN 978-5-9736-0696-1

9 785973 606961